Боевые ребята

Вып. 3 (29)

1958
Вып 3

СБ
Б75

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
СБОРНИК ДЛЯ ДЕТЕЙ

БОЕВЫЕ РЕБЯТА

13911

ВЫПУСК ТРЕТИЙ (29)

Детская Центральная Библиотека
г. Свердловск

СВЕРДЛОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1958

Редактор *И. Круглик*
Художественно-технический редактор
Ю. Сакнынь
Корректоры *Г. Кожевникова* и
Л. Чемко

★

Подписано в набор 2/XII 1957 г.
Подписано к печати 29/V 1958 г.
Уч.-изд. л. 7,97. Бумага 84 × 108¹/₁₆ =
= 3,875 бумажного — 12,71 печатного
листа
НС 21818 Тираж 25 000 Заказ 362
Цена 4 р. 20 к.

★

Типография издательства
„Уральский рабочий"
Свердловск, ул. имени Ленина, 49.

ПЕЩЕРА *партизана*

Лев СОРОКИН

Кто плавал реками Урала,
Тот видел:
там, у берегов,
Как великаны, встали скалы
Почти до самых облаков!

Мне с них видны заводов трубы,
Над ними тучка иль дымок?
А дальше —
царство лесорубов
На север,
запад и восток.

И вновь, где лагерь пионеров,
Под облака — ступени скал!..

Там, на одной скале, пещеру
Мальчишка шустрый отыскал.

Шептал таинственно ребятам:
— В горах пещера есть одна,
Она и серебром и златом
Полным-полна, полным-полна!

— Да перестаньте вы смеяться!
Быть может, умерев от ран,
Оставил там свои богатства
Когда-то грозный атаман!

Ребята засмеялись снова,
И все не верят:
— Складно врёт!
А спросим сторожа ночного:
Он здесь лет семьдесят живёт!

Тот улыбнулся пионерам,
Собрав морщинки возле глаз:
— Пещера?
Старая пещера?
Да, есть такая возле нас.
Скрывался там не атаман,
А храбрый красный партизан!

Тогда ворвался на Урал
Колчак — буржуйский адмирал.

И враг проведал,
где скрывался
От них бесстрашный партизан.
Когда на горы опускался,
Как дым, туман,
сплошной туман,
Не тьма одна вползла на скалы —
Заполз карательный отряд.
В горах сраженье грохотало
Два дня, два дня подряд!

К пещере — тропка над ущельем,
По ней попробуй-ка пройти!
Ведь пули меткие летели,
Врагов встречая на пути!

Патронов нет!
Тогда с гранатой
Он встал, чтоб голову сложить...
Ах, как хотелось всем ребятам
К нему на выручку спешить!

Ползти по скалам на вершины,
Откуда били беляки,
И вместе с красными
лавиной
Рвануться с криками в штыки!

Но дед замолк.
И только ветер
Донёс до нас далёкий гром.
И все решили:
— На рассвете
В пещеру старую пойдём!

...Взбирается тропинка в горы,
Идём, подошвами скользя.
Приказ:
— Окончить разговоры,
Быть невнимательным — нельзя!

Густые травы над обрывом
Холодный ветер растрепал,
Метались травы, словно гривы,
На каменистых шеях скал!

— Глядите! Вот она — пещера!
Вокруг малинник так растёт,
Что из ветвей сплетает двери
И закрывает узкий вход.

Вошли. Пещера осветилась!
Хоть злата-серебра в ней нет,
Но в угол гильза закатилась
И пролежала много лет.
Она почти зелёной стала.

Пуста пещера.
Но она
Легендой прошлого Урала
Для нас сейчас полным-полна!

Как будто вдруг от гильзы медной
На нас пахнул сражений жар.
Живи, о мужестве легенда,
Вздувай в сердцах у нас пожар!

ПЛАМЕННАЯ ЮНОСТЬ

Б. РЯБИНИН

1. ДЕТСТВО АНТОНА

...Ивановка, окраина Харькова. Здесь, на Монастырской улице, в низеньком, собранном из старых шпал домике под № 18 жила семья станционного сторожа, в прошлом рабочего, Якуба Валека. В тесном аккуратно прибранном садике росло полтора десятка фруктовых деревьев, до сотни ягодных кустов. Скамеечка под яблоней была любимым местом маленького Антона, сынишки седоусого Якуба. Здесь под шелест листвы и неумолчное гудение пчёл, заполнявших сад во время цветения, мальчик упивался книгами о путешествиях и приключениях отважных людей, где правда и вымысел неотделимы друг от друга.

Домик построил своими руками отец. Он же заботливо ходил за садом: поливал, прививал, холил растения. Сад был для него отдыхом и радостью. Отец был поляк, повстанец 1863 года, высланный в Россию. Оставаясь революционером по духу до самой смерти, он стремился передать свои воззрения сыну, хотя сам, будучи сломлен нравственно, навсегда устранился от активного участия в том, что ещё в недавнем прошлом было целью и смыслом его существования.

Совсем по-иному влияла на Антона мать, неграмотная русская женщина, набожная и суеверная. Мальчик рос нервным, впечатлительным, жадно впитывал всё необычное, волновавшее детское воображение, и постоянные разговоры о боге привели к тому, что он ещё совсем ребёнком стал мечтать уйти в монастырь.

Он развился рано. В школу пошел семи лет; наука давалась легко — учился хорошо. Отец, не имея сам большой грамоты, хотел дать сыну образование, но это заветное желание осуществить не удалось. Отец был стар, много пил, пытаясь в вине утопить тоску по Польше, мать — больна, а кроме Антона, имелось ещё двое детей: две девочки — одна старше, другая младше

его. Пришлось оставить незаконченным двухклассное железнодорожное училище и на четырнадцатом году пойти работать. Может быть, если бы не раннее приобщение к рабочему классу, и впрямь душеспасительные беседы привели бы Антона совсем в другой лагерь; рабочая среда быстро наставила на ум, дав правильное направление в жизни, сделав из паренька бойца.

Через знакомых отца Антону удалось устроиться учеником слесаря в мастерские харьковского железнодорожного депо. Юный пытливый мозг быстро находит здесь многое, что влечёт и волнует его, как влекли в раннем детстве чужие, неизведанные земли и басни о мифическом существе, якобы обитающем на небесах.

Жажда путешествий еще в школьные годы привела однажды к тому, что Антон вместе с товарищем по играм, соседом Колей Сухоносовым, задумали убежать из дому. Антону было тогда двенадцать лет. Впечатление от прочитанного владело ребятами, благородные помыслы требовали выхода. Нужно помочь героям-бурам, защищающим свою свободу и землю от захватчиков! И юные добровольцы с весны начали готовиться к походу: запасли сухарей, обзавелись каждый сменой лаптей, а в августе пустились в путь. Далеко, конечно, не ушли. Сухари оказались быстро съеденными, денег не было, и поход окончился в ближайшей от Харькова деревне, где проживал дедушка Коли и куда ребята зашли переночевать. Дед дал знать о неожиданных гостях в город. Беглецов уже искали с полицией. Через два дня они были торжественно привезены на подводе домой, где их ожидала суровая кара.

Колю родители основательно побили. Якуб поступил с Антоном иначе. В течение месяца он не замечал мальчика, не желал с ним обедать за одним столом, не разговаривал. Такая мера оказалась очень чувствительной, даже слишком. Уже будучи взрослым, Антон не раз вспоминал, какое изощрённое наказание придумал для него отец.

Это не остановило Антона от новых затей. Фантазия его была неистощима. Дружок Коля Сухоносов, как верный оруженосец, повсюду следовал за выдумщиком Антоном, признавая его главенство.

Раз они задумали совершить полёт с крыши на дождевом зонте. Кто прыгнет первый? «Антошка, ты!» Антошка не стал противиться. Прыгнул и, конечно, зашибся. Испуганный Коля убежал домой. Незадачливый «воздухоплаватель» долго болел после этого.

Не было, кажется, предмета, который не интересовал бы Антона. Ничто не ускользало от его острого, наблюдательного глаза, ум постоянно требовал пищи. Увлекался анатомией, препарировал лягушек, крыс. Заинтересовался химией — делал гремучие смеси. Это пригодилось ему, когда он стал подпольщиком.

Подражая взрослым, школьники частенько устраивали на улице кулачные бои. В то время это было обычным явлением в любом рабочем предместье. Шли стенка на стенку. В одном таком бою Антону

повредили носовую перегородку — на всю жизнь осталась отметина; позднее этот признак фигурировал во всех описаниях, которые составляла на Валека царская охранка.

Любя пение и обладая музыкальным слухом, Антон некоторое время участвовал в церковном хоре. Но здесь ему не было удачи. Голос был слаб, и скоро Антон это занятие бросил. Зато в большие, так называемые годовые праздники,— пасху и рождество — любил Антон, забравшись на колокольню, вытрезвонивать в колокола торжественные и заливистые мелодии, разносившиеся далеко окрест.

2. НАЧАЛО ПУТИ

Скоро, однако, все эти забавы уступили место одному, серьезному: революционной деятельности. Живой, общительный юноша быстро находит себе многочисленных друзей среди взрослых товарищей по работе в мастерских. Он сближается в первую очередь с теми из них, кто, не боясь репрессий со стороны хозяев и полиции, решительно выступает за освобождение рабочего класса от ига эксплуататоров. Их слова находят отклик в душе Антона; вот когда выходит наружу влияние отца-повстанца, по-новому вдруг встают в памяти рассказы о польском восстании, о борьбе угнетенных с ненавистной монархией. И в пятнадцать лет Антон раскладывает по ящикам, в которых рабочие хранят инструменты и свой немудрый личный инвентарь, запрещённые брошюры и листовки с призывом подниматься на борьбу, разбрасывает прокламации. Уже в эту пору проявляются черты его характера — мужество и сметливость.

Антону поручено расклеить прокламации у входной будки мастерских. Прокламации в корзинке. Поставив ведёрко с клеем на землю, Антон с увлечением мазал кистью по забору. И вдруг за спиной грозный сиплый окрик:

— Ты что клеишь, малец?

Старик-жандарм, прищурив подслеповатые глаза, внимательно разглядывал наклеенный лист бумаги.

Испуганный прыжок сердца, и... деловито:

— Объявление. Квартира у нас сдаётся.

Пока синемундирник разобрал, в чём дело, мальчугана и след простыл.

Антон стал поздно возвращаться вечерами домой. За это часто попадало от отца,— и не только на словах... Младшая сестрёнка Настюша пробовала вступиться за брата, уливаясь слезами. В результате попадало и ей. Якуб был строг и неумолим. Он опасался, как бы сын не свихнулся, думал, что тот гуляет, кутит; сказать же правду Антон не решался: это была не его тайна, и неизвестно, как принял бы её Якуб. Антон не забыл о суровом внушении, полученном им однажды за невинную ребячью попытку убежать в Африку к бурам!

В шестнадцать лет Антон — член недавно образованной Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). Он организует рабочие кружки, ведёт в них беседы на политические темы, читает нелегальную литературу людям старше себя, и они внимательно слушают

его. Это подвижной, не по годам высокий, стройный юноша с запоминающимися крупными чертами лица, слегка не выговаривавший букву «р». Жестикулируя и время от времени задерживаясь взглядом своих небольших, но внимательных серых глаз на аудитории, он умеет заставить слушать себя даже скептически настроенных стариков.

Одновременно он пополняет и собственные знания: посещает воскресные лекции для взрослых, много читает. Ему не хватает школы, и он понимает это. В этот период у него завязывается нежная дружба с Цилей, начитанной девушкой. Более развитая, чем Антон, старше его на три года, она помогает ему в самообразовании, достаёт нужные книги. Он с благодарностью и большой сердечной теплотой потом всегда вспоминал о ней.

3. ЖДАТЬ? НЕТ, НЕТ!

1905-й год. В России — революция, первая проба сил народа, борющегося за свою жизнь против нищеты, невежества, угнетения. Антон вместе с верным другом Сухоносовым ломает в Ивановке заборы, разворачивает мостовые — строит баррикады. После подавления восстания ему удаётся ускользнуть, но не надолго. Его арестовывают. Антона ждёт суд.

Впервые Антон знакомится с царской тюрьмой. Здесь он встретил старых опытных революционеров, слушал марксистов, жадно запоминая каждое слово.

Тюрьма стала школой.

После нескольких месяцев предварительного заключения Антона ссылают на три года в Вологодскую губернию.

Ждать три года, видя, как бесцельно уходят дни, пропадают даром молодые нерастраченные силы?

Нет, пусть это делают другие, кому не жаль жизни, которая бывает лишь один раз. Он, Антон Валек, не будет ждать!

Для молодости особенно нетерпимо бездействие, лишение свободы, а юный Валек был, наверное, одним из самых нетерпеливых и свободолюбивых людей на свете. И через три месяца он бежит из ссылки. Бежит в одиночку, но имея на руках явку — адрес тайной квартиры в Вологде, где можно встретить товарищей, восстановить старые знакомства и связи, получить паспорт.

Теперь он проходит еще одну науку: как смыть надпись в паспорте и с помощью товарища, обладающего чиновничьим почерком, заменить ее новой. С химией он в ладу с детских лет. Использовались старые ненужные паспорта или паспорта умерших. Случалось, помогали беспартийные сочувствующие люди. «Нужно выручить товарища. Дай свой паспорт!» Отдаст, а потом заявит в полицию, что потерял.

Вот почему жандармы при поимке революционеров всегда лизали паспорт языком: на бумаге оставался вкус кислот.

Антон вновь в родном Харькове. Но теперь он не Валек, а Черников — Яков Семёнович Черников. Впервые он живёт на нелегальном положении. Отныне он профессиональный революционер. Он ступил на эту стезю и не сойдёт с неё.

Цилю он не нашёл в Харькове: вскоре после его ареста и высылки её сослали в Олонецкую губернию. Родственникам Антона известно, что он здесь, но они не видятся. Тоска, желание увидеться с близкими побеждают чувство осторожности, и Валек-Черников делает опрометчивый шаг: ночью, закоулками пробирается к отчему дому. Возмездие немедленно настигает его. Там засада (за домом была установлена слежка), Антон снова арестован, снова в «университете революционеров», в тюрьме, в той же самой, в какой был недавно. Без суда, административным порядком его ссылают на пять лет в далёкую Тобольскую губернию.

Партию ссыльных провожали на вокзале родные, товарищи детских лет. Мать и сёстры плакали. Старший Валек (ему тогда шёл уже шестьдесят седьмой год), суровый и торжественный, долго молча хмурил густые седые брови, затем, обнимая сына, сказал:

— Смотри, Антон, держись крепко. Я предпочёл бы видеть тебя мёртвым, чем отступником...

Революционер в прошлом напутствовал революционера, для которого путь испытаний ещё только начинался.

Снова этап, окрики конвойных, бесконечная дорога.

От Омска до Тары, места ссылки, свыше трехсот километров шли пешком. Летом здесь ходили пароходы по Иртышу. Зимний путь — от этапа до этапа — продолжался почти всю зиму: больше трёх месяцев. В морозы, под вой пурги шагали по застывшей, заснеженной дороге в лёгких городских ботинках, в насквозь продуваемых арестантских шинелях, замотав головы башлыками и старым тряпьём; только больных везли на подводах.

Тара. Захолустный городок с одноэтажными, срубленными из неохватных брёвен, пятистенными домами. В домах старинные горки с посудой, домотканные скатерти, икон целый угол, пуховых перин до потолка. Крепкие мужички, купеческий, старообрядческий уклад.

Давний ссыльный город. Кругом леса непроходимые. И старые ссыльные, отбывшие срок, осели крепко, обстроились.

Тоска жуткая. Вот когда можно завыть волком. Единственная отрада — дружба между ссыльными. Ссыльных было много. Их влияние сказывалось и на местных жителях.

Надзор был явный и тайный: ежедневно отмечаться, частенько урядник заглядывал на квартиру. Чтобы пойти в лес за несколько вёрст, нужно разрешение.

Антон часто уходил к Иртышу. Сидя на высоком обрывистом берегу над омутом, часами решал уже знакомый вопрос: ждать пять лет? Отрешиться от всего, смириться, только ждать? Нет, нет, нет! Всё существо его восставало против этой бессмыслицы.

Могучая река несла свои глубокие воды меж лесистых берегов, равнодушная в своей величавости и силе к людскому горю, к человеческим страданиям. Плескались осетры; рыбаки сетями вытаскивали на песок богатый улов. Антон познакомился с ними, сдружился. Сошлись в цене за лодку-долблёнку и...

не прошло и трёх месяцев — его уже нет в Таре. Он бежит через тайгу, один, в утлом рыбацком челноке, подгоняемый шумными всплесками волн.

Ему ещё только двадцать лет Но за плечами уже две ссылки, два побега. Уже есть опыт ошибок и поражений. Больше он не рискует ехать в свой любимый Харьков. Старшие и более дальновидные товарищи по социал-демократической организации советуют: надо переменить не только город, но и край. Поехал бы он на Урал. Вот где прорва непочатой работы! Через Тюмень Антон приехал в Екатеринбург, революционный центр Урала. Екатеринбургский комитет РСДРП направил его в Надеждинск[1], но он ещё неоднократно вернётся сюда, и с каждым разом Екатеринбург будет значить для него всё больше.

Урал вообще займёт особое место в биографии большевика Валека, а Екатеринбург, впоследствии Свердловск, навсегда сохранит память о нём.

4. В НАДЕЖДИНСКЕ

Первая встреча с уральскими рабочими произошла на нелегальной воскресной массовке в лесу, за рекой Каквой, у деревни Медянкиной, где обычно происходили все тайные сходки надеждинцев.

День был не по-здешнему мягкий, тёплый, ярко светило солнце. Собралось много народа — пожилых рабочих, молодёжи. Слушали доклад бывшего ссыльного, товарища Ивана. После доклада выступил ещё один новый человек, худощавый, бледный, в поношенной ситцевой рубашке, подвязанной пояском. По виду лет неопределенных. Встал на высокий камень и тоже заговорил о ссылке, о тех муках, какие выпали на долю рабочего человека в царской России. Речь взволнованная, быстрая; мягкий украинский выговор как бы подчёркивал суровость слов.

Вдруг пошатнулся, схватился за ближнего товарища и замолчал. Все окружили его. Что случилось? Ему плохо, болен? «Ничего, ничего...» И тут же опустился на камень. Закружилась голова. Пребывание за тюремной решёткой, голодовки, лишения напомнили о себе.

Его отвели в сторону, попросили отдохнуть. Стали выступать другие. На камень поднялась молоденькая черноглазая работница и высоким срывающимся голосом горячо заговорила о вовлечении женщин и девушек в революционную борьбу, о том, что отцы и братья должны понять, насколько необходимо всем участвовать в этой борьбе, а приезжий, ещё не оправившись от внезапного приступа слабости, сидя у её ног на траве, слушал и кивал головой.

Скоро фамилия Черникова, монтёра газомоторного цеха, сделалась популярной среди рабочих Надеждинского завода. (О Валеке здесь никто не знал). Опытный и неутомимый пропагандист, он принимает самое деятельное участие в подпольной работе, собирает актив, налаживает библиотечное дело, выступает на сходках и в квартирах

[1] Ныне город Серов.

рабочих. Незадолго до его приезда ряд арестов обескровил партийную организацию; теперь она начинает вновь расти, набирать силы. Черникова избирают членом заводского комитета РСДРП.

На этом же собрании в комитет была избрана Раиса Ронина, та самая молоденькая представительница трудящихся женщин Надеждинска, которая выступала на массовке у Каквы, его будущая соратница и жена. Энергичная, крепко сбитая, с живыми тёмными глазами, сиявшими на смуглом лице, Рая Ронина была одной из лучших активистов и отзывчивым товарищем. В тот памятный день, в лесу, она первая подбежала к Антону, когда ему стало дурно, и это явилось началом их дружбы, которая со временем перешла в любовь.

Надеждинский завод и Богословский горный округ — самое северное металлургическое предприятие в стране и самый северный горный округ с их особенно беспощадной эксплуатацией и суровыми природными условиями — выделялись своими революционными настроениями, хотя среди населения имелось ещё немало отсталых людей, продолжавших верить в «царя-батюшку». Екатеринбургский центр РСДРП часто засылал сюда своих агитаторов, опытных революционеров, которые рассказывали рабочим, как надо бороться за свои права. На заводе по нескольку месяцев задерживали выдачу жалованья. Вместо денег расплачивались картонными купонами. Предполагалось, что на эти купоны можно купить по обычным ценам товары в заводской лавке, но там, кроме ржавых селёдок, ничего не было. Приходилось идти к местным купцам. Те брали купоны, но за половинную стоимость. Мастера обращались с рабочими грубо, в ходу было рукоприкладство. Очень плохо обстояло с жильём: жили в казармах с двойными нарами, вместе семейные и холостые.

Делегатов от рабочих, ходивших к администрации завода с требованием улучшить условия труда и увеличить зарплату, арестовали. В ответ на забастовку, объявленную рабочими, директор завода Прахов вытребовал отряд ингушей, отличавшихся особой жестокостью и диким нравом. Ингуши держали в страхе весь посёлок. На все протесты администрация отвечала угрозами закрыть завод.

Группа заговорщиков-террористов, приехавших в Надеждинск, решила убить директора завода.

Покушение произошло средь бела дня в конце августа 1907 года. Прахов делал обход и, подойдя к машине на заводском дворе, остановился со своим помощником. Подошёл один из заговорщиков и выстрелом из револьвера наповал убил Прахова. На звуки выстрелов рабочие высыпали из цехов. Тысячная толпа, заполнившая двор, двинулась к будке и этим помогла террористам скрыться.

Всё произошло почти на глазах Антона, который выполнял очередной электротехнический ремонт. Сразу же, пока место происшествия не успели оцепить стражники и толпа не закупорила выход, Антон, протискавшись вперёд, поспешил

выбраться с завода и, разыскав Раю, немедля сообщил о случившемся, добавив:

— Ну, теперь надо ждать крупных неприятностей.

И действительно, через три дня был объявлен локаут — завод закрыли, все рабочие считались уволенными. Были составлены чёрные списки. Свыше десяти тысяч рабочих остались без работы. Начались аресты.

До конца октября Антон жил в Туринских рудниках, где сблизился с ссыльным Алексеевым, изредка наведываясь в Надеждинск. Оставаться там было опасно и бессмысленно. Партийная организация распалась, завод продолжал стоять. Рабочие разбрелись по белу свету в поисках заработка: желудок каждый день требовал пищи, а у многих были большие семьи, малые дети. Создалась полная невозможность продолжать здесь работу. Надо было уезжать.

5. ПРОЩАЙ, УРАЛ!

С грустью Антон покидал Надеждинск. Здесь он впервые познал чувство любви, впервые начал задумываться о том, как дальше устроить свою жизнь, не хотелось расставаться с уральскими товарищами. Мысли вращались вокруг событий последних недель, столь внезапно и круто изменивших течение жизни.

Неожиданно, когда поезд замедлил ход на станции Гороблагодатской, в вагон вошли два жандарма. Короткая проверка документов — и товарищи, ехавшие вместе с Антоном, арестованы. Очередь за ним.

Обыск? Пожалуйста. Что-то жуя, Антон выдвинул из-под сиденья корзинку-плетёнку и, откинув крышку, развязно предложил осмотреть. Чуть насмешливо, в упор посмотрел в глаза блюстителям законности и порядка. Те смутились и затем, переглянувшись и щёлкнув каблуками, извинились и оставили вагон.

Антон невозмутимо вынул изо рта разжёванные явки и закрыл плетёнку, на дне которой была спрятана пачка нелегальных брошюр.

Оказалось, что на Гороблагодатской был заградительный пункт, где обыскивали всех молодых рабочих, разъезжавшихся из Надеждинска после закрытия завода. Многих задерживали и отправляли в знаменитую в то время каторжным режимом николаевскую тюрьму в Нижнюю Туру, в арестантские роты.

Однако этим дело не кончилось. Вскоре после ухода жандармов Антон поймал косые взгляды, которые украдкой бросал на него один из пассажиров, пожилой и по виду благообразный мужчина в железных очках, скрывавших острые и злые, как у гадюки, глаза. Неужели шпик? Ну, конечно! Антон уже хорошо знал эту породу людей.

Как от него отделаться? А отделаться надо, и чем быстрее, тем лучше. Соседство такого соглядатая, если не перехитрить его, всегда кончается одним — тюрьмой.

А, может, это совсем не сыщик, может, Антону показалось?

Антон решил проверить. Встал и не спеша перешёл в другое купе. Помедлив, тот последовал за ним. Антон вернулся на прежнее место. Метнув на него недовольный взгляд, и его «хвост» уселся туда же. Всё ясно. Чутьё не обмануло Валека.

Придётся прыгать на ходу поезда. Но жалко бросать багаж — единственное добро: корзинку и тючок, в котором замотаны постельные принадлежности — пара чистых простынь, простенькое, в мозаике разноцветных лоскутьев одеяло.

Внезапно он заметил знакомое лицо в соседнем купе. Мастер газомоторного цеха. Ну, этот, конечно, едет не насовсем, у него в Надеждинске свой дом, да и с хозяевами он, кажется, в ладу. Попросить разве его?

Антон подсел к нему, заговорил.

— Вы скоро обратно? — И, дождавшись утвердительного ответа: — Тогда, может быть, вас не затруднит передать мои вещи Раисе Рониной? Знаете — дочь часовщика? Хотел вернуть ей сам, да не удалось повидать... Окажите такую любезность!

Мастер согласился.

Антон ничем не рисковал. Рае это не могло повредить, всё равно все знали, что они знакомы.

Одно дело улажено. Теперь позаботимся о себе.

Поезд приближался к товарной станции Нижний Тагил. Колёса чётко застучали на стрелках. Пора, а то будет поздно. Взяв тючок и плетёнку, Антон перенёс их на сиденье мастера и, не дожидаясь, когда шпик последует за ним, неожиданно бегом устремился в конец вагона. Вскочив, шпик кинулся следом, но и того незначительного промедления, пока он раздумывал, что значит эта переноска вещей, оказалось достаточно: Антон был уже в тамбуре. Рванув дверь и на секунду повиснув на поручне, увидел за собой растерянное лицо преследователя и на полном ходу соскочил на землю. Упал, покатился, больно пересчитывая рёбрами все неровности почвы, а, когда поднялся, поезд уже прогрохотал мимо, унося яростно кричавшего что-то и грозившего кулаками одураченного сыщика. Повторить прыжок Антона этот герой не решился.

Вдоль полотна железной дороги тянулся высокий забор, утыканный поверху гвоздями. Перелезая через него, Антон зацепился полой пальто, дёрнул — клок материи остался на острие. Эх, жалко... Пальто было памятью о Рае. После ссылки Антон приехал в Надеждинск почти совсем раздетый; по совету Раи купил на рынке поношенную шинель, потом Рая её распорола, сама перекрасила в чёрный цвет и сама же повела Антона в мастерскую, где за недорогую плату ему сшили довольно приличное пальто. Уже тогда Антон почувствовал, что значит женская забота, женские любящие руки...

Но теперь было поздно думать об этом. Убедившись, что погони нет, он стряхнул грязь и сор и, засунув зябнувшие руки в карманы, налегке шагал куда глаза глядят.

Так началась героическая жизнь революционера-большевика Антона Валека — жизнь, полная опасностей и приключений. В поисках заработка, скрываясь от царских охранников и полицейских, он объехал почти всю Сибирь. 1917-й год застал его в Петрограде. В октябрьские дни Валек участвовал в захвате власти вместе с питерскими рабочими, солдатами, военными моряками Балтийского флота. После Великой Октябрьской социалистической революции, когда началась гражданская война, он снова проехал по Сибири, захваченной белыми, вплоть до Иркутска, собирая военные сведения о противнике, налаживая подпольную работу в тылу врага. Совершив этот беспримерный по смелости рейс, он, вместе с женой и ребёнком перейдя фронт у Сызрани, приехал в Москву и сделал доклад о своей поездке в Центральном Комитете Коммунистической партии и Реввоенсовете республики.

Вскоре он — снова в тылу врага, в Екатеринбурге, захваченном колчаковцами и интервентами. Валек готовил вооружённое восстание против них. Белогвардейцам удалось выследить и арестовать его. После мучительных пыток они приговорили его и ещё семерых товарищей к смертной казни и на рассвете 8-го апреля 1919 года зарубили шашками в лесу за Верх-Исетским заводом. В память о нём одна из улиц Свердловска, бывшая Большая Съезжая, где жил Валек, названа его именем.

★

ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ БОРЬБЕ

Т. ВЛАДИМИРОВА

Недалеко от площади 1905 года стоит большое серое здание — Свердловский драматический театр. На стене этого здания прикреплена прямоугольная чугунная доска, на которой вычеканено тонкое, выразительное лицо человека и надпись «Л. И. Вайнер».

Это имя носит улица, идущая от площади до стадиона «Пионеров и школьников».

Задержимся, чтобы всмотреться в лицо человека, отлитое из металла, худое, измождённое и вместе с тем решительное лицо борца, человека большой воли и мужества.

Леонид Исаакович Вайнер родился в Перми, в 1878 году. Семья его была зажиточной и благополучной, особенно в сравнении со многими и многими ремесленниками, которым нелегко и часто обидно доставался кусок хлеба. Главное в жизни — деньги, главное — самому быть всегда сытым. Так было везде в дореволюционной России, так было, очевидно, и в семье Вайнеров.

С малых лет Леонид Исаакович проникся ненавистью к этой обеспеченной жизни. Он видел, что многие другие бьются в труде и нищете. Став студентом горнозаводского училища, познакомившись с политической литературой, он начал понимать, что такой порядок жизни невозможен, надо бороться за лучшее.

К этому времени в Перми существовало несколько кружков учащейся молодёжи: в духовной семинарии, в фельдшерской школе и женской гимназии.

Леонид Вайнер явился одним из организаторов нелегального революционного кружка в Горнозаводском училище. Это было в 1896 году. Студенты собирались тайно в различных местах, чаще всего на квартире у кого-нибудь из товарищей, читали нелегальную марксистскую литературу и рассуждали по поводу прочитанного.

Таких кружков было очень много в начале 900-х годов, перед первой русской революцией 1905 года.

Конечно, Леонид не мог оставаться в семье, где с неприязнью от-

113911

носились к его взглядам, где ему самому всё было чуждым. Молоденьким студентом он уходит из дома, живёт самостоятельно. Голодный, в потрёпанной одежонке, он бегает по случайным урокам, истощая своё и так некрепкое здоровье. В это время он познакомился с семьёй Симановских, которая отнеслась к нему доброжелательно и кое-чем помогала. Член этой семьи Елена Борисовна Симановская позднее стала женой и верным соратником Леонида Исааковича.

В 1905 году Леонид Вайнер уже член Коммунистической партии. В революционных подпольных кружках он носит партийную кличку «Валерий». С этого времени, говоря словами нашего любимого писателя Николая Островского, «вся его жизнь была отдана великой цели — борьбе за освобождение человечества». Все мысли и поступки были проникнуты стремлением служить делу партии, делу народа.

Леонид Исаакович был образованным марксистом и хорошо знал жизнь трудящихся. Он умел говорить с рабочими просто и понятно, убедительно объяснять им, что такое классовая борьба, чего добивается партия большевиков, что нужно сделать для того, чтобы избавиться от гнёта фабрикантов и помещиков.

В течение многих лет Леонид Исаакович ведёт большую подпольную пропагандистскую и агитационную работу. Он не только вёл различные кружки, он сам их организовывал. После поражения революции 1905 года Вайнер, спасаясь от преследований полиции, вынужден был часто менять место работы, ездить по различным городам и рабочим посёлкам Урала. Где он только ни работал — на заводе, в шахте, в руднике и причём чаще всего простым рабочим. Это делалось для того, чтобы легче было провести полицию. Да и рабочие больше доверяли человеку, который трудился бок о бок с ними.

Здоровье Леонида Исааковича в то время было уже подорвано. Но и больной, он всегда с готовностью брался за любую работу, лишь бы она была нужна партии.

В 1907 году в Вятке Вайнер поступает работать в типографию учеником наборщика. Это понадобилось ему для того, чтобы потом быть наборщиком в подпольной большевистской типографии.

В 1908—1909 годах Леонид Исаакович живёт в Екатеринбурге. Его избирают в подпольный Екатеринбургский комитет большевиков. Он — один из лучших пропагандистов и агитаторов в городе, часто бывает среди рабочих разных заводов и предприятий Екатеринбурга.

Участники подпольных кружков, которые слышали Вайнера, доныне вспоминают, как интересно, увлекательно и горячо он умел говорить с рабочими.

Жил тогда Вайнер в доме, который находится напротив теперешнего музея имени Я. М. Свердлова. Это несколько странное двухэтажное здание с крытым глубоким подъездом. Ни жильцы дома, ни прохожие не могли заподозрить, что в стене дома был устроен тайник, в котором хранилась нелегальная партийная библиотечка.

Леонида Исааковича любили то-

варищи. Любили за то, что он был человеком прямым, честным, чрезвычайно скромным. Слово, дело, мысли — всё у него было едино, всё было проникнуто одним желанием — служить рабочему делу. Очень молчаливый, строгий к себе и другим, не понимавший, что такое слабость, Вайнер пользовался общим уважением.

В 1909 году Екатеринбургский комитет партии, в который входили Л. Вайнер, П. Ермаков, Н. Давыдов и другие, готовил областную конференцию большевиков. Но провокатор, проникший в организацию, выдал всё полиции. В день открытия конференции делегаты и многие екатеринбургские партийные руководители были схвачены.

Леонида Исааковича тоже арестовали и посадили в тюрьму. Жёсткий тюремный режим усилил болезнь, которой страдал Вайнер (туберкулёз). Состояние его врачами было признано безнадёжным. «Вот-вот умрёт»,— сказали они. И в полиции не сочли нужным задерживать умирающего человека. Вайнера освободили.

Товарищи увезли его в деревню, где Вайнер кое-как поправился и снова продолжал революционную деятельность.

В годы империалистической войны екатеринбургские большевики вели большую разъяснительную работу в массах. Они разоблачали эту войну, как захватническую, враждебную интересам народа.

Л. Вайнер и И. Малышев обычно писали прокламации и листовки, которые потом расклеивались на заборах, на стенах.

Одна из таких прокламаций, выпущенная в декабре 1916 года, гласила:

«Рабочие! Пора самим положить конец этой бессмысленной войне. Пора осознать, что троны деспотов-царей опираются на невежество народных масс и на солдатские штыки. Пора обернуть эти штыки против угнетателей народа — помещиков, буржуазии, насилия, царизма».

После Октябрьской революции Вайнера избирают членом городского комитета партии.

Начинается гражданская война. Когда контрреволюция стала угрожать Екатеринбургу — к городу подошли белочехи,— областной комитет партии сформировал особую партийную дружину.

Несмотря на то, что Вайнер нужен был в городе, он уходит в составе этой дружины на фронт рядовым бойцом. В этом ещё раз сказались и его скромность и его мужество. Быть на самом трудном, самом опасном участке боя — постоянное стремление Вайнера.

Партийная дружина защищала от белочехов станцию Кузино. Это было нужно, чтобы сохранить связь Екатеринбурга с Пермью.

22 июля 1918 года Вайнер с группой бойцов был захвачен врагами. Белочехи, знавшие от предателя, что среди бойцов находится Вайнер, начали пытать:

— Кто комиссар? Кто Вайнер?

Вайнер был в дружине рядовым бойцом, а не комиссаром. Но как всегда он пожелал принять всю опасность на себя, думая этим

самым спасти остальных. Он вышел вперёд и сказал:

— Я — Вайнер!

Враги расстреляли Вайнера и с ожесточением изрубили его тело шашками. Это произошло недалеко от станции Кузино, между разъездами Савик и Сарга.

Долгое время не могли найти могилу Вайнера. Помогли рабочие со станции Кузино. Тогда, в июле, они были невольными свидетелями расправы. По ярости белочехов они догадались, что убитый, наверное, был большевиком, и потом, когда враги ушли, сами похоронили Вайнера.

В августе 1919 года тело Вайнера было перевезено в Екатеринбург и похоронено в братской могиле на площади Коммунаров.

Бессмертен для уральцев облик Леонида Исааковича Вайнера, мужественного солдата революции, преданного борца, дорогого учителя уральских рабочих.

★

Михаил НАЙДИЧ

1

В тот день
За днепровскими кручами,
Где лист вырезной пожелтел,
Друзей молодых и замученных
Бандиты вели на расстрел.

— Кончай их!
Чего с ними чикаться!
На дно опущай комсомол! —
Свирепо гогочут деникинцы,
Чернеет винтовочный ствол.

Дымя сигаретой старательно,
Нагайку сжимая в руке,
Лютует один из карателей
Со шрамом на левой щеке.

От облака тень кособочится,
Закатная вспыхнула медь.
...Ребята,
Как все же не хочется
Таким молодым умереть!

Вон чайка летит острокрылая,
На воду упала ничком...
В секунду всю Родину милую
Увидел Василий Бычков.

Ему бы днепровской напиться,
Спуститься к прохладной реке...
Но вновь замахнулся убийца
Со шрамом на левой щеке.
Нагайка свистит над тобою,
Но вдруг, завертевшись волчком,
Бандита
Пудовой рукою
Ударил Василий Бычков.

Бросок —
И в кустарник колючий,
Прыжок —
Берег дьявольски крут,
Песок
Под ногами сыпучий,
В висок —
Как прикладами бьют.

А сзади —
Разброд, торопливость
И скороговорка свинца.
...Свинец?
Или это крапива
Дотронулась вдруг до лица?
Все ближе
и громче
и звонче
—

Подкованный стук сапожищ,—
Так, значит, и путь твой окончен?
Так, значит, и не убежишь?..

Но вот уж у ног заблестело
Могучей волны серебро...
— Россия моя,
Украина моя,
Спасай комсомольца, Днипро!

Ах, годы,
Быстрые годы!
Ушла суматоха боёв...
Директор большого завода —
Василий Петрович Бычков.
Весёлый грузный мужчина,
И лишь голова — в седине,
Как память,
жестокая память,
О первой
и этой войне.

...Однажды, в задумчивый вечер,
Решив прогуляться пешком,
Василий отправил машину,
А сам потихоньку — в райком.
Был воздух наполнен сиренью,
Огни зажигались в домах.
От сварки —
весёлые вспышки,
Как звёздочки на небесах.
Часы отсчитали семь тридцать.
Бычков покачал головой:
— Успею, пожалуй, побриться!
И бороду тронул рукой.
Вошёл в вестибюль, сдёрнул шляпу,
Окинул всех взглядом прямым.
Здесь каждый сидит постаревший,
А выйдет — совсем молодым...
— Пожалуйста, очередь ваша! —
И вслед за весёлым звонком
Его пригласил парикмахер,
Привычно вертя помазком.

Уселся Бычков поудобней,
Глаза на минуту закрыв,—
По радио лился знакомый,
Простой, задушевный мотив.
Но в зеркало глянул Василий
И вдруг
попытался привстать,
И в кресло вцепился руками,
Лишь только бы не закричать.
Над ним, улыбаясь стандартно,
С отточенной бритвой в руке
Угодливо встал
парикмахер...

Со шрамом на левой щеке.
«Ошибка?
Но нет, не ошибка,
Я помню: пылали стога
И гибли друзья-комсомольцы
У города Кременчуга!..»
Поднялся Бычков как-то грузно
И глянул ещё раз в упор.
— Кончайте работу, пойдёмте!
Суровый,
мужской разговор.
— Простите, товарищ, неясно,
Куда?
Для чего?
Почему?
Пожалуйста, вот книга жалоб,
Но я... ничего не пойму.
— Поймёте потом,
Мы вернёмся
К прошедшим давно временам...
И сразу
Белее халата
Стал глянцевый розовый шрам.
А публика в недоуменье,
И только высокий, седой,
Один из клиентов — полковник
Вдруг вырос у них за спиной.
...По-прежнему город трудился
И мирно сверкал небосклон.
Но в этот задумчивый вечер
Был пойман
опасный шпион.

3

Друзья мои!
Я мог бы смело
И город и число назвать.
Но знаю я: не в этом дело,
Должно другое взволновать!..
Мы зорки, бдительны, конечно,
Но нужно помнить каждый час:
Ещё преступная беспечность
Царит порою среди нас.

...С улыбкой он к клиенту лезет,
Им все довольны — стар и мал.
А в то же время
перерезать
Он горло Родине мечтал.

Смешных рассказов знал он сотни—
Любил с тобой похохотать,
Но то, что сделал ты сегодня,
Он завтра в воздух мог поднять.
Умел подслушивать раззяву,
На разговор охотно шел,—
А иностранная держава
Ему платила хорошо!
Он ткал из яда, из пожарищ,
Из клеветы паучью нить...
Таких немного,
но, товарищ,
Сумей и их разоблачить!

Сумей узнать, где в небе чистом
Вдруг надвигается гроза,
Будь настоящим коммунистом,
Имей Дзержинского глаза!
...Еще осталось в заключенье
Сказать, чтоб кончить разговор,
Что приведен уж в исполненье
Наш справедливый приговор.

★

(Главы из повести)

ЕФИМ РУЖАНСКИЙ

ТОНЯ

В детский сад принесли ребёнка. Закутанный в тёплые платки, он казался большим. Но, когда его раскутали, стало видно, что это малыш. Ему было года три. В руках он держал деревянную, разукрашенную лошадку.

Малыш огляделся вокруг быстрыми, бегающими глазёнками и, ничего не говоря, подошёл к Тоне. С тех пор он был только с ней, больше ни к кому не подходил, никого не слушался.

Тоню Толмачёву все дети любили. Она была весёлой и красивой светловолосой девочкой с чёрными бровями и карими блестящими глазами. В детском саду она работала уже полгода, почти с начала войны.

Дети к ней быстро привыкали, но больше всех полюбил её этот новенький. Его звали Колей. Он был весел и разговорчив. Соседка, принесшая его в садик, рассказала такую историю.

Квартиру, в которой жил Коля с матерью, разбило снарядом. Мать была убита... Целый день работала в квартире ремонтная бригада, и только на следующее утро, приподняв наклонившуюся к стене дверь, один рабочий между дверью и стеной обнаружил Колю.

Мальчик сидел на полу, а возле него лежали игрушки: плюшевый мишка и большая деревянная лошадка.

Когда рабочий взял ребёнка на руки, Коля обнял его за шею и, показывая на пол, попросил:

— Дядя, возьми лосадку...лосадку мою возьми...

И успокоился лишь тогда, когда ему принесли лошадку.

— Чудом спасся пузан,— говорила о нём Тоня, ухаживавшая за мальчиком, как за своим братом.

Но вот Коля заболел. У него на-

чалось воспаление лёгких. Тоня забеспокоилась, погрустнела.

Целыми сутками не отходила она от кровати больного. В комнате было холодно, и девочка закутывала малыша в свой пуховый платок, брала его к себе на руки, согревала дыханием.

Исхудала Тоня. Острые плечики её ещё больше обострились, щёки впали, и под глазами появились фиолетовые дужки.

Ребёнок стал поправляться, и Тоня снова повеселела. А мальчик до того к ней привык, что девочке нельзя было от него отлучиться даже на малое время.

— Хочу гулять с мамой Тоней! — кричал он, когда девочка собиралась уходить. И Тоне приходилось брать его с собой на улицу.

Однако она никак не могла понять, почему ребёнок называет её «мамой Тоней».

Однажды, когда Тоня с ребёнком на руках проходила по улице, им повстречался лейтенант. Ребёнок увидел его и замахал ручками:

— Папа! Папа мой! Папа Ваня!..

Лейтенант куда-то спешил. Всё же он остановился, затем подошёл к малышу.

— Сынок!..— ласково сказал он и погладил мальчика.

— Папа Ваня,— повторял ребёнок и рвался на руки к лейтенанту.

Командир взял его к себе и пошёл рядом с Тоней. «Отца встретил»,— думала она радуясь.

Они дошли до угла, и тогда командир, передавая Тоне малыша, сказал:

— Возьмите, мамаша...

Тоня удивилась:

— А разве вы не отец Коли?

— Нет, конечно... Он ошибся. Видно, похож я на его отца...

Тоня взяла Колю, укутала его и неслышно произнесла:

— А я тоже, наверно, на его маму похожа. И имена у нас, значит, одинаковые. Он мне «мама Тоня» говорит, а я — просто Тоня.

ПОХОРОНЫ

Пришла суровая ленинградская зима.

Молчаливые с забитыми окнами дома, казалось, были скованы холодом. На улицах и площадях города высились снежные сугробы. Они увеличивались с каждым днём: не на чём было вывозить снег. Иногда, во время крупных снегопадов, город казался необычным и сказочным: трудно было различить очертания зданий и фигуры пешеходов на расстоянии нескольких шагов. Деревья, улицы, дома — всё было заснеженным и напоминало собою описанное в сказках и снившееся нам в детстве северное царство, что находится далеко-далеко от земли обетованной, за горами да за морями, за тридевять земель...

Улицы становились непроходимыми, и всё же с утра они заполнялись людьми, которые, утопая по колени в снегу, шли на фабрики, заводы и учреждения. Ленинградские ребята не лепили, как бывало раньше, снежных баб, не играли в снежки. Чуть свет, под грохот артиллерийской канонады, вставали они, хоть и трудно было им отрываться от своих постелей, согретых дыханием.

Напялив на себя побольше тёплой одежды, похожие на маленьких водолазов в скафандрах, появлялись они на тёмных улицах — кто с лопатой, кто с ломиком, а кто с санями. С большой охотой принимались они за дело, и на их бледных, исхудавших лицах поблескивали глаза, в которых отражалось упорство, мужество взрослых и сознание важности этого труда. Ведь город, окружённый и обстреливаемый врагами, лишённый воды и электричества, скованный стужей и погружённый в снег, должен был продолжать работу! Трамваи стояли, но люди пешком добирались к своим рабочим местам.

Так было в городе в эти тяжёлые зимние дни, когда голод и морозы, бомбы и снаряды косили людей в домах и прямо на улице...

Смерть заглянула и в квартиру к Толмачёвым — умерла тётя Надя.

Ребятам надо было подумать о похоронах, но они были подавлены своим горем. Тринадцатилетняя худенькая Тоня, придя из детского сада, где она работала, домой, забилась на кухне в уголок, боясь и заглянуть в комнату, где лежала мёртвая тётя Надя.

А Стёпа, хоть он уже и взрослый почти (скоро паспорт получать надо!), тоже не знал, что делать.

Где достать гроб? Как отвезти его на кладбище? Кто возьмётся рыть могилу?.. Эти и многие другие вопросы встали перед Степаном, и он не знал, как их решить.

На выручку пришла дворничиха Васюткина. Узнав о смерти тёти Нади (а она всегда раньше всех узнавала, что и у кого случилось в доме), Васюткина сказала Степану:

— Ох вы, бедненькие. Уж я зайду к вам, помогу схоронить покойницу.

И верно, зашла. Огляделась кругом, увидела бархатное платье на вешалке и сказала:

— Вы бы мне, ребятки, это платьице отдали, покойнице-то оно уж всё равно не потребно...

Стёпа удивился сначала: зачем старухе такое платье? Потом вспомнил, что у неё есть дочь, которая любила пофрантить и называла себя не Марией, а Марго. Сейчас она — медсестра в какой-то части поблизости, часто дома бывает. Для неё, видно, платье. После войны франтить в нём будет. Пусть...

Отдал Стёпа платье Васюткиной и стал ей помогать труп выносить. На улице стояли длинные узкие сани. На них положили тётю Надю и накрыли мешковиной.

Тоня, заплаканная, выскочила на улицу и бросилась к саням, повторяя:

— Тётя Надя!.. Теперь одни мы!.. Тётя Надя!.. Одни мы!

— Ну, хватит плакать... Домой марш!.. Теперича столько помирают, что плачь — не наплачешься,— сказала Васюткина и добавила: — Покойницу я сама схороню. Раз взялась, так сделаю!..— И потащила сани...

Тоня долго не уходила. Она стояла и смотрела куда-то вдаль, не мигая и нервно всхлипывая.

— Вот и все похороны,— вздохнув, тихо сказал Стёпа и, тронув сестру за плечо, заботливо закон-

чил: — Пойдём, Тоня, в дом, простынешь тут...

А дома, в пустых комнатах, было холодно, неуютно и — нет, не страшно, а как-то тяжело-тяжело...

«Где-то теперь Василий?» — подумал с тоской Степан о своём брате. О нём думала и Тоня. Ведь Василий был для них самым близким: отца и мать они потеряли ещё в раннем детстве.

«Хорошо хоть, что Тоня в детсаде работает. Всё-таки паёк служащего получает, а не сто двадцать пять граммов хлеба, как иждивенцы... Надо и мне на лесозаготовки пойти. Дело нужное, и паёк хороший... Эх, жила бы тётя Надя, я бы на Карельский к партизанам подался... А так — на кого Тоню бросишь?.. И Васи нет...» — тяжело засыпал Стёпа в эту полную тоски ночь.

ВОСКРЕСНИК

Апрельское солнце почти не грело.

Ледяными лапами зима охватила город и цепко держалась за каждый камень и куст. Но в воздухе уже чувствовалось дыхание приближающейся весны.

К полудню подтаивал снег на крышах, а на солнечной стороне, на улицах и во дворах появились дети, старательно укутанные. Дети и старики с особенным нетерпением ждали весны и тепла...

Но тепла не было. Весна запаздывала, и в квартирах было холодно.

В нашем доме был детский сад. Здесь тоже не топили уже несколько дней, дети спали в одежде.

Об этом узнали старшие ребята, жившие в доме. И вот однажды собрались они на лестничной площадке и стали думать: как достать дров для детсада?

Тоня Толмачёва предложила пойти по квартирам и просить по полену.

— Конечно, — сказала она,— каждый знает, что тут живут дети фронтовиков. Никто не откажет. Тут только надо суметь объяснить...

Но кто-то из ребят возразил:

— Дать-то дадут, да ненадолго этих дров хватит. Надо достать побольше, чтобы не на раз...

— Пока надо на раз,—поддержал Тоню Володя Еремеев,— а потом мы добудем, сколько надо. Нормально!..

— Добудем,— иронически вставил всё тот же парнишка,— сам, небось, в холоде сидишь...

— Ну и что ж? Сам в холоде, а вот для этого дела добудем... И всё будет нормально! — заявил Володя тоном, не допускающим возражений.— Надо только, чтоб не поленились,— и дрова будут,— добавил он.— Мы с Тоней уже договорились. Которые из вас захотят, те пускай завтра с утра сюда приходят. Вместе пойдём.

* * *

К вечеру Володя обошёл своих друзей, но никого не застал дома, а от Тони Толмачёвой узнал, что её брат Стёпа уехал на лесозаготовки. Приедет не раньше, чем через две недели.

Настроение у Володи испортилось. Он повернул домой, но

у самых своих ворот встретил Мишу...

— Хотел уже уходить,— сказал Миша.— Попрощаться с тобой пришёл...

— Ты что же, никак на лесозаготовки?..

— Да нет...— Миша покраснел.— Мать... с заводом, значит... эвакуируют... Завтра собираться надо... уезжать будем...

— Выходит, расстаёмся?.. — с чуть заметной дрожью в голосе спросил Володя.

Миша поближе подошёл к Володе и тихо, словно он в чём-то виновен, сказал:

— Понимаешь... с заводом... Нужно это, чтобы оружие было. Потому и едем...

— А я к тебе за делом шёл,— сказал приглушенно Володя.— Посоветоваться хотел...

— О чём же?

— Да так, дело...

— Ну, какое же?

— Теперь уже не надо... Было одно дело...

— Вот зарядил: «дело, дело». Ты толком сказывай и не крути...

Володя пошёл рядом с Мишей и рассказал ему о детском саде, о дровах и о своём плане.

— Я уже договорился с бригадиром. Митрофан Алексеевич из нашего дома. Высокий такой, мы его «дядей Стёпой» величаем. Так вот, он со своей бригадой нынче на Моховой работает в домах, что недавно разбомбило. Мы ему, значит, помогать будем раскапывать и всё прочее, а он нам за это для детсада досок, брёвен даст. Плохо только, что ребята наши уехали, да и ты уезжаешь. А у нас во дворе, кроме меня, только двое и могут в этом пособить, а то всё малыши...

Миша выслушал всё до конца и спросил:

— А когда вы туда работать пойдёте?

— Когда же, завтра и пойдём.

— Выходит, субботник устраиваете?

— Воскресник. Завтра воскресенье...

— Ну, да это всё равно...

Миша задумался.

— Ладно,— сказал он,— с тобой не прощаюсь. Ещё встретимся до отъезда... Мне ехать с вечера...

И он ушёл.

Володя остался один у своих ворот на потемневшей улице. Он долго смотрел Мише вслед, пока тот не свернул за угол. Трудно было расставаться с другом. Встретятся ли они ещё когда-нибудь?..

* * *

На следующий день Володя проснулся рано, оделся потеплее и собрался уходить.

— Ты куда же это, Володенька, в такую рань? — спросила его бабушка.

— На воскресник,— нехотя ответил Володя,— работать будем... дрова для детсада заработаем...

— Где же это, миленький, вы работать-то будете? — заинтересовалась бабушка.

— На Моховой, у Митрофана Алексеевича...

— Ага. Так, так... Потеплее оденься, Володя. Шарф отцовский надень...

Володя обмотался шарфом и пошёл во двор. Там его уже ожидала Тоня Толмачёва. Затем пришло ещё трое.

Митрофан Алексеевич встретил ребят шуточкой:

— Вот и моя бригада явилась. Ну что ж, принимайтесь за работу...

Горячо взялись ребята за дело. Из груды обломков они вытаскивали уцелевшие кирпичи и складывали во дворе квадратной башенкой, выкапывали из-под щебня обгорелые доски и расколовшиеся балки. Незаметно проходило время.

— Отдохните малость, товарищи ударники,— сказал Митрофан Алексеевич, и ребята пошли в дровяник. Там стояла маленькая железная печка «буржуйка» и было тепло.

Не успели ребята разместиться на брёвнах, как раскрылась дверь, и в дровяник вскочил Миша Корольков.

— Еле вас разыскал,— сказал он, запыхавшись.

Володя никак не ожидал встретить здесь Мишу и был рад встрече.

— Ты ж уезжаешь,— сказал он,— сегодня уезжаешь, да?

— Сегодня! — ответил Миша.

— Зачем же ты пришёл? Тебе бы в дорогу готовиться...

— А что мне готовиться? У меня до вечера вон сколько времени... Я и пришёл попрощаться. На прощанье поработаю с вами.

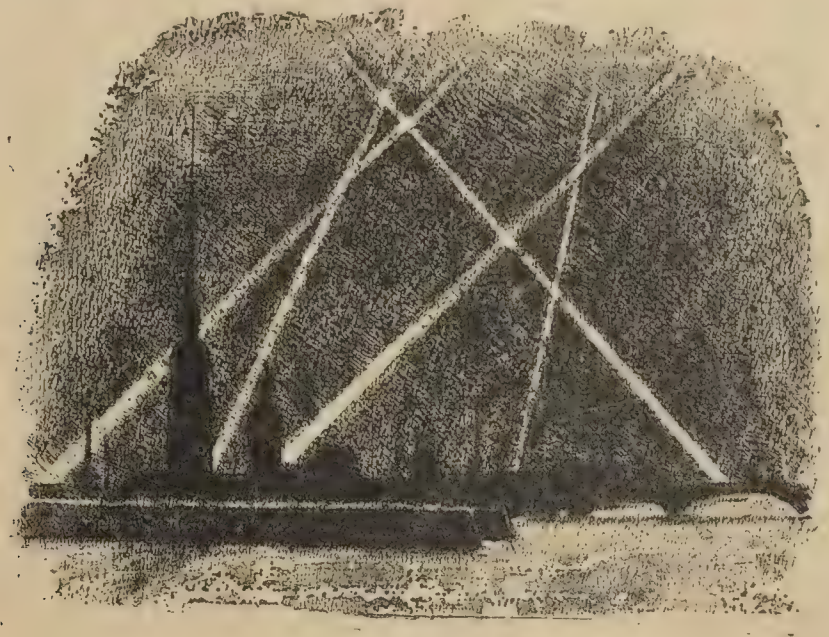
* * *

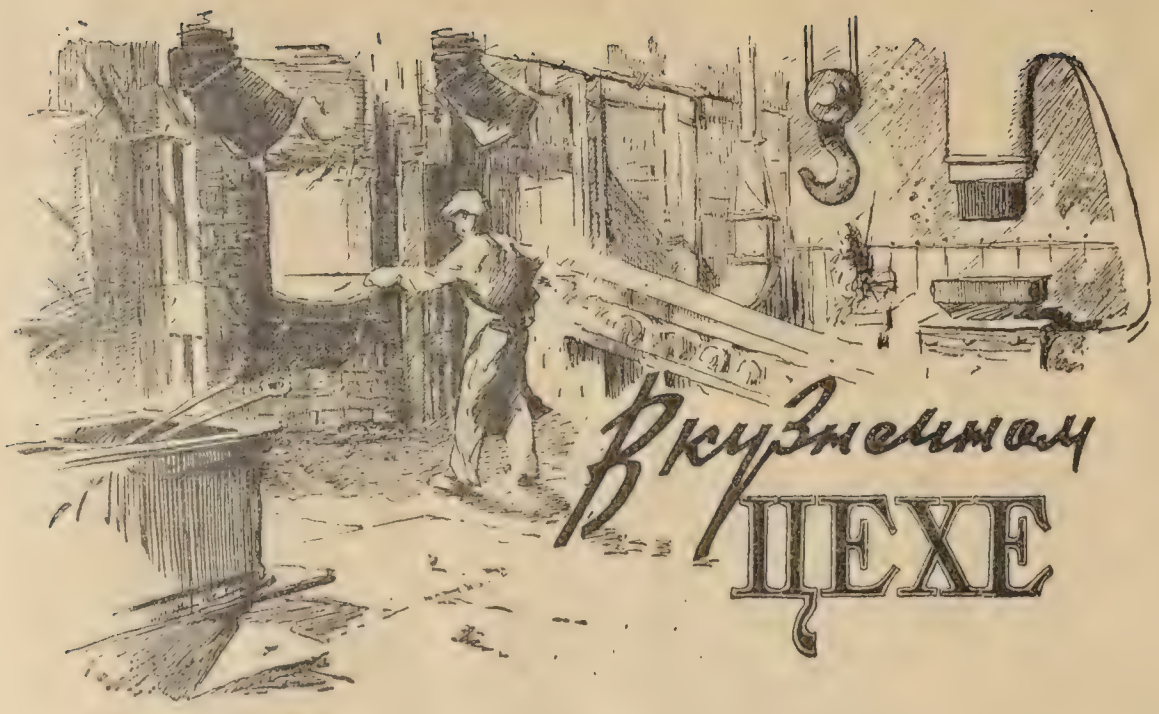
Когда закончили работу, Володя забеспокоился:

— Что же это мы, ребята, салазок не взяли? Как же мы теперь дрова перевозить будем? Миша, Тоня, пошли за салазками.

Они втроём выбежали со двора и у самых ворот увидели Матвея Яковлевича, Володину бабушку и заведующую детсадом.

— Здравия желаю, товарищ начальник! — сказал Матвей Яковлевич, улыбаясь.— Лошади прибыли. Грузчики тоже. Транспорт в полной готовности. Разрешите грузить...





В кузнечном цехе

Г. СУРСЯКОВ

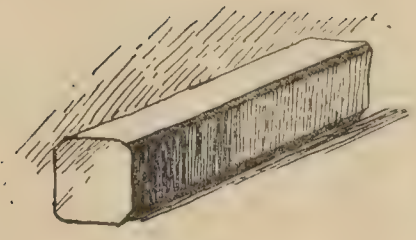
В заводской большой печи
Зноем пышут кирпичи.
Словно солнца кусок,
Разогрелся брусок.
Печь железо довела —
Раскалила добела.
Размякли на лежанке
Тяжёлые болванки.

Старый мастер крутит ус:
— Подавай под молот брус.
Крановщик, не мешкай
С крановой тележкой.

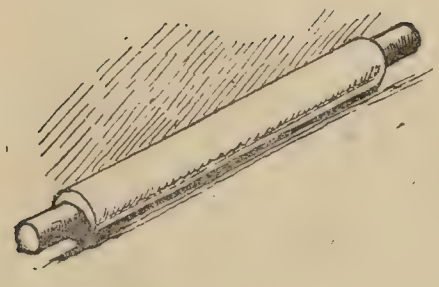
И широк, и высок
Лёг под молот брусок.
Кузнецы берут поковку,
Рычагами водят ловко...

Молот ухнул,
по болванке бьёт,
С наковальней разговор ведёт:
«Кузнецы —
Молодцы,
Жмите на педали.
Мы к машине куём
Новые детали.
Тух-тух! Захочу,
Я брусок исколочу!

Стукну, стукну тонко —
Будет шестерёнка.
В шестерёнку влезет вал,
Я вчера его ковал.
Тух-тух-тух-тух!
Покую за двух!»



Вот и ковке конец.
Вытирает пот кузнец;
От трудов своих тяжёлых
Отдыхает грузный молот;
Воду пить пошла бригада —
Газировка тут же, рядом.
Через пять минут опять
Будут шестерню ковать.



Цена пенициллина

Марк ГРОССМАН

Аркашка Ветошкин всю жизнь воевал с Колькой Три Глаза. С Чебыкиным.

А как можно с ним мирно жить? Колька глазами шарит, где не надо.

Скажем, купил ты новую голубку, подержал её, и вот — тихонько выпустил на крышу. А Чебыкин уже всё это видит, торчит у твоего двора. И только-только дашь волю птице, как Три Глаза уже швыряет в небо голубей, и твоя чайка или плёкая — у Кольки. Как там и родилась.

И всё же в одном деле Чебыкину здорово не везло. Ничего он не мог поделать с Аркашкой.

Чтоб сразу понять, о чём речь, давайте заглянем к Аркашке в голубятню. Она приткнулась у самых сеней. Кто там?

Ну, конечно,— обычные мальчишечьи птицы. Вот — старый кривой Жук, повыше — пара гонных жёлтых. Не чисто жёлтых, с помарками. Пять рублей пара.

А ещё выше... Что это?! Вот так да! Не может быть!

Когда вы отдышитесь от удивления и зависти, можете разглядеть голубей как следует.

Сидят в гнезде кроваво-красные птицы, с клювами, как спичечные головки, с бантиками на стройной груди. Фигурки у них будто из красного дерева выточены.

Аркашке бантовых отец привёз ещё в прошлом году, на именины. Говорил: чистые бразильские почтари. Вот тебе и мальчишечья голубятня!

Колька, когда узнал об этом, усмехнулся, сказал презрительно:

— Обуем в лапти.

Это значило: «Никуда им от меня не уйти!»

Только на этот раз Чебыкин здорово засёкся. Сколько он ни подкидывал своих птиц, красные маленькие голуби даже не сходили с круга.

Однажды Три Глаза даже совершенно оскандалился. Заметив, что Аркашка поднял красных на крыло, Колька выхватил из голубятни чёрную молоденькую птицу и, перебежав переулок, швырнул её в воздух.

Испуганный Ветошкин сразу дал осадку, выкинув на крышу кривого Жука, и чебыкинская голубёшка вместе с красными преспокойно опустилась в Аркашкин двор.

Онемевший от такой неожиданности, Колька крутился возле забора, заглядывал в щёлки, тяжело дышал. Потом не выдержал и стал кричать через калитку разные угрозы.

Он сулился переловить у Аркашки всех голубей и даже наломать бока, если ему не отдадут чёрной голубки.

Удивлённый Аркашка вышел на улицу и, глядя снизу вверх на высокого Кольку, поинтересовался:

— За что ж ты меня бить будешь? Ведь мы с тобой ловимся?

— Ну что ж, что ловимся? Мне, может, эта голубёшка самому нужна.

Сражённый этим железным доводом, Аркашка несколько секунд молчал, но потом обрадованно поднял глаза:

— А помнишь, ты у меня ловил? И не отдавал никогда.

— Ну, ладно,— с угрозой отозвался Колька,— не пожалей потом.— Он шмыгнул носом, подтянул потёртые суконные штаны и ушёл.

Аркашке казалось, что вся его длинная, сгорбленная фигура выражала тогда смятение и горе. И маленькому мальчишке на секунду даже стало жалко Кольку Три Глаза, у которого нет отца, нет денег и приличных штанов.

«Отдать, что ли?— думал Аркашка.— Может, у неё в гнезде яйца положены?»

Но Колька уже ушёл, и Ветошкин, облегчённо вздохнув, возвратился во двор.

Конечно, голубке не велика цена. Но теперь везде можно говорить, что он здорово наставил нос Кольке Три Глаза!

Колька тоже не мог забыть этого позора. Как только Ветошкин выпускал птиц на крышу, Чебыкин начинал свистеть и кричать, кидал в голубей палками.

Аркашка терпел-терпел, а потом пошёл к Колькиной матери и попросил, чтоб она уняла Кольку.

Узнав об этом, Три Глаза ехидно рассмеялся и немедленно подбросил Аркашке на крышу своего старого бурого кота. Потом, когда кот сбежал, Чебыкин добыл дохлую ворону и привязал её ночью к трубе.

Видя, что ему никто не препятствует, Колька разошёлся ещё больше. Не очень хитрый на выдумку, он поймал возле базара грязного и смирного пса, привязал ему к хвосту пустые консервные банки и перед самым утром усадил Аркашке на крышу.

Смирная дворняга выла и гремела банками до тех пор, пока её не сняли. Колька на другой стороне переулка ходил, посмеивался и знаками показывал, что обещанная кара только начинается и что Аркашка ещё хлебнёт горя.

И вдруг Колька Чебыкин исчез. Он как сквозь землю провалился, даже не приходил в школу.

Аркашка сначала обрадовался. Никто не мешал ему теперь гонять голубей, никто не швырялся землёй и не свистел. Но потом Ветошкину стало скучно. Выходило так, что никому не было дела до знаменитых красных бразильских почтарей и никто не завидовал их хозяину. Просто даже не очень интересно было жить.

Правда, в эти дни случилось одно приятное событие, которое сильно повысило авторитет Ветошкина в собственных глазах. Как-то во двор постучался незнакомый человек и долго о чём-то разговаривал с отцом. Потом отец позвал Аркашку и сказал:

— Вот, сынок, дядя просит продать ему краснобантовых. Ты

хотел фотоаппарат купить. Как раз бы хватило...

Аркашка хотел сразу обидеться, но отец, улыбнувшись, обратился к гостю:

— Ну вот, видите... Я же говорил.

Прощаясь, огорчённый покупатель промолвил:

— Жаль, конечно. Но если надумаете, то вот вам адрес...

И написал несколько слов на бумажке.

В тот же день Аркашка рассказал всем, как его уговаривали продать краснобантовых, но он только посмеялся и, конечно, отказал.

И все ребята одобрили его поведение, потому что — вы тоже должны об этом знать — каждому хотелось получить голубят от редких почтарей.

Однажды Аркашка вышел на улицу подышать воздухом и неожиданно встретился с Колькиной матерью.

Увидев Ветошкина, она остановилась, и на её лице Аркашка увидел слезы.

— Ты бы зашёл к Коле,— сказала она, стараясь убрать за спину красные, в трещинах кисти рук,— болеет сильно Коля. Воспаление лёгких у него.

Аркашка втянул воздух носом, потоптался на месте и ничего не ответил. Во-первых, Колька Три Глаза — его злейший враг, какие тут могут быть посещения? И, во-вторых, надо было еще сообразить, не обман ли это? Не такой человек Колька Чебыкин, чтоб ни с того, ни с сего вдруг заболеть воспалением легких.

Но Колькина мать не уходила, и ничего не ответить было нельзя.

— Ладно, тётка Марья,— неохотно пробурчал Ветошкин,— выберу вот свободное время и приду.

На другой день, после уроков, Аркашка вспомнил о своем обещании. Тяжело вздохнув, он достал из коробки красивый карандаш, подумав, добавил к нему испорченный пистолет, совсем похожий на настоящий, и пошёл с этими гостинцами к больному.

Открыв дверь и увидев Аркашку, тётка Марья обрадованно засуетилась и повела гостя в низкую полутёмную комнату. У дальней стены на железной койке лежал худой и совсем не похожий на себя Колька Три Глаза. Он коротко взглянул на вошедшего и вяло усмехнулся.

— А-а, это ты...

Аркашка никогда раньше не был в такой сложной обстановке и, чтобы как-нибудь начать разговор, сообщил нехотя:

— А мне за бразильцев двести давали...

Колька снова усмехнулся и сказал хрипло:

— Скажи-ка ты, врёт, не кашлянет!

— Сам ты всегда врёшь!— обиделся Аркашка.

Так у них на этот раз и не получилось никакого разговора. Ветошкин положил Кольке на кровать карандаш и пистолет и, сказав, чтоб его позвали, если будет нужно, ушел.

Назавтра отец, выслушав сообщение сына, сказал, задумчиво постукивая пальцами по столу:

— Что-то я тебе давно, Аркадий, на мороженое не давал. А ты не напоминаешь.

И весело потирая одной рукой свои пышные русые усы, другой подвинул на край стола зелёную трёхрублёвую бумажку.

Аркашка всегда гордился, что отлично понимает отца. Поэтому он без дальних разговоров засунул деньги в карман и отправился в соседний магазин. Там купил здоровенную соевую шоколадину и, написав на обороте «Н. Чебыкину от А. Ветошкина», потащил подарок к Кольке.

— Вот,— промолвил он, кладя шоколадку рядом с больным,— мне мать, понимаешь, подарила, а мне, понимаешь, сладкое нельзя.

Колька без лишних слов разломил шоколадку на две половины, потом ещё и одну четвертушку протянул Ветошкину.

— На, поешь маленько.

— Нет, мне нельзя,— вздыхая, сказал Аркашка, втайне поражаясь своему мужеству и гордясь им.

— Ну, немного можно,— тоже вздыхая, отозвался Колька.

— Разве только что совсем немного,— живо согласился Аркашка, запихивая вязкую четвертушку в рот.

Расправившись с шоколадкой, Колька искоса посмотрел на гостя и сказал неуверенно:

— Ты бы, Ветошкин, посмотрел мою голубятню. Почистить надо... Матери некогда. Ей, знаешь, сколько посуды в столовой перемыть надо. И руки болят.

Аркашка, поражённый таким неслыханным доверием, полдня

прокопался в Колькином сарае. Он навёл там такой порядок, какого у него, наверное, никогда не было в собственной голубятне.

Простились они совсем мирно, и Колька даже сказал, что ему совсем не жалко чёрную голубчёшку, и Аркашка, так и быть, может её оставить насовсем себе.

После этого Аркашка несколько дней не заходил к Чебыкину. С одной стороны, без гостинца заходить неудобно, а у Ветошкина ничего такого не было; а с другой стороны, не помрёт же Колька Три Глаза, если Аркашка не наведается к нему день-другой. А у него, у Аркашки, тоже есть важные дела.

Наконец Ветошкин отложил из своей сумки две новенькие тетрадки, прекрасную железную гайку, добытую давным-давно во дворе скобяной артели, и направился в дом напротив.

Колька лежал весь красный, поминутно пил воду из большой

железной кружки и один раз даже застонал, но сейчас же спохватился и умолк.

Мать его сидела рядом на стуле, сплетя кисти рук на животе, и, не мигая, смотрела куда-то мимо Кольки, в угол стены. Ветошкин подумал, что ей о чём-то хочется спросить своего мужа, большая карточка которого белела в рамке.

Когда мать вышла в сени, Колька сказал хрипло:

— У меня, понимаешь, тут доктор был... Пульс щупал...

Колька скривился, что, вероятно, должно было обозначать иронический смех.

— Этот... как его?.. натощак и не выговоришь... пенициллин выписал. Ну, пожалуйста, не девчонка... пусть колят...

Помолчав несколько секунд, Чебыкин трудно повернулся к Аркашке и снова скривился:

— Мать в аптеку ходила. Бумажку докторову показывала. Позже прийти велели... Денег много надо... Потому — лекарства много...

— Ну и что?— поинтересовался Аркашка.

— Что? Что?— хмуро протянул Колька. — Нету их, денег-то... А до получки, знаешь, сколько?

Он жадно попил воды и добавил нехотя:— Нам профсоюз помогал уже.

Чебыкин уныло осмотрел потолок, вздохнул, и на его красном лице появилось выражение растерянности и злости.

— И зачем я, спрашивается, заболел?

Аркашка по собственному почину прибрал в голубятне, помог тётке Марье наколоть дров, и ушёл, не понимая, почему такой отчаянный человек, как Колька Чебыкин, не возьмёт и не выздоровеет сам, без всякого пенициллина.

Дома Аркашка дождался, когда отец поужинает, и спросил его, что это за пенициллин такой и как он может помочь от воспаления лёгких?

Отец посмотрел на сына поверх очков, отложил газету в сторону и сказал, что пенициллин — порошок, что его надо развести и тогда можно превосходно лечить ангину, дифтерит, всякие раны и ещё многие болезни. И добавил, что пенициллин может даже спасти жизнь и в его врачебной практике были такие случаи.

Потом отец снова углубился в газету, а Аркашка сидел рядом, делая вид, что рассматривает картинки в книжке, а на самом деле думал о пенициллине и как спасти жизнь этому задаваке Кольке Чебыкину.

«Разве у отца попросить?— соображал он.— Если есть деньги, обязательно даст. Никогда ещё не отказывал. В прошлый раз сам дал три рубля. Никто не требовал...»

Но тут же Ветошкин отверг этот план. Смутно казалось, что эти отцовы деньги могут обидеть тетку Марью, как милостыня или подачка. Вот если бы Аркашка имел свои деньги,— другое дело. Мальчишка даёт мальчишке на лекарство. Какое кому дело?

Вечером Ветошкин постучал в Колькину дверь, но почему-то ему долго не открывали. Наконец на пороге появилась тётка Марья.

— Не надо бы тебе сегодня заходить, Аркаша, — сказала она шёпотом. — Больно плохо Коленькето. Да и заразиться можно...

— Воспаление — это незаразное, — не очень твёрдо заявил Аркашка и, потеснив тётку Марью, вошёл в комнату.

Колька Три Глаза тяжело дышал и бормотал что-то непонятное о кошках и ещё о железной гайке, и ещё о какой-то девчонке из пятого «А» класса.

Мать сидела, уронив голову в ладони, и широкие худые плечи её вздрагивали.

Аркашка тоже сидел, чуть не плача, думал-думал и ничего не мог придумать. Только одно торчало у него в голове, что надо достать пенициллин, а как его достать, когда нет денег, Аркашка не знал.

И он сидел и думал, так что даже голова начала болеть.

— Ладно, тётка Марья, — заговорил он, наконец, так ничего и не решив.— Что-нибудь мы всё же придумаем. Честное пионерское.

* * *

Проходят две недели. Колька уже поправился, температура у него давным-давно спала, и сейчас он сидит на полу, на мягком половичке, и строгает доску для самоката.

— Ты где денег брал на лекарство? — спрашивает он у Аркашки, сидевшего за столом и наблюдавшего за его работой. — Ты ж всегда без денег.

— Ладно, достал...— хмурится Аркашка.

— Нет, ты скажи!

— Краснобантовых продал, — ещё больше хмурится Аркашка, и у него отчего-то даже начинает щипать сердце.

Колька недоверчиво смотрит на Аркашку, складывает губы в ехидную улыбку и громко смеётся:

— Врёшь!

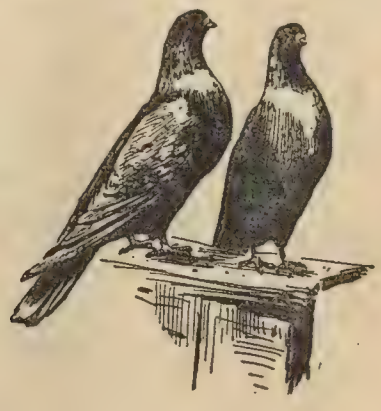
— Ничего не вру, — говорит Ветошкин, пристально рассматривая какое-то пятнышко на стене.

— Ну и дурак! Бить тебя некому!

— Это почему ж — дурак?

— Из-за такой ерунды краснобантовых продавать! Чистый дурак.

Но Аркашка нисколько не обижается. По Колькиным глазам, которые тот старательно прячет, Аркашка видит, что думает-то он совсем иначе.



Город-сад

Нина ПАВЧИНСКАЯ

Вышел весело из школы
Боевой отряд,
Мы шагаем дружно в ногу —
Будто на парад.

Грабли, колышки, лопаты
Взяты на плечо.
Точно летом, нам сияет
Солнце горячо.

Пусть над городом кружатся
Жёлтые листы —
Мы насадим нынче всюду
Новые кусты.

И деревья молодые
Выстроятся в ряд —
Станет наш любимый город,
Как зелёный сад!

Евгений ПЕРМЯК

На зимние каникулы отец с матерью уехали в Омск. Я и моя младшая сестра остались дома с бабушкой. Мне тогда было двенадцать лет. Мы жили на краю села в новом саманном домике, построенном колхозом моему отцу и матери. Оба они преподавали в школе, где учились и мы с сестрой.

Наш дом стоял на возвышении и был самым крайним в селе. Из его окон открывался прекрасный вид в степь. Может быть, поэтому отец и выбрал именно это место. Двор дома не успели огородить. Помешала ранняя зима. Построек на дворе тоже пока ещё не было, если не считать закутка, где жили два ягнёнка: мой баранчик и Танина ярочка. Их купил нам отец.

Закуток для них был наскоро сделан из жердей, заваленных землёй. Для тепла. Дверки сделал отец из прочных сосновых досок. Замок мы с Таней приладили сами. Настоящий большой висячий замок. Как будто кто-то мог похитить моего баранчика и Танину ярочку! Но ведь мало ли что могло случиться... И случилось. Случилось, правда, так, что никто не мог и представить себе подобной истории.

У нас в те дни ночевал мой школьный товарищ Коля Мякишев. Поздно вечером, на третий или на четвертый день каникул, когда бабушка спала на глинобитной лежаночке, мы втроём, я, Коля и Танечка, сидели на скамеечке, поставленной на стол. Потому что нижние стёкла окон были заморожены, а верхние нет, и через них можно было смотреть на степь, освещённую луной.

Эту красоту серебряно-голубого,

волшбного лунного освещения и морозной прозрачности воздуха, наверно, никто никогда не сумел передать ни словами, ни кистью.

Снежная степная низина распростёрлась такой бескрайней, что нам чудилось, будто мы сидим у штурвалов воздушного корабля, который вот-вот двинется и полетит между звёздами и снежной равниной над миром.

Хорошо! Всюду мороз. Тридцать, а может быть, и сорок градусов. А мы сидим в своём воздушном корабле. В одних чулках. И нам не холодно. Если бы бабушка не похрапывала, то ничто бы не нарушало нашего воображения.

И вот, любуясь так далями, мы заметили тёмную движущуюся точку. Первой заметила её Танечка и шепнула Коле:

— Волк!

Всякой другой девочке Коля сказал бы обидное. А Танечке он всего лишь мягко разъяснил:

— Волки не бегают зимой в одиночку. Да ещё по дороге. Это собака.

Мне тоже хотелось думать, что это волк. И я поддержал сестру, сказав, что такой походки у собак не бывает, хотя я и не знал, какая походка бывает у волка.

Животное между тем приближалось. То останавливаясь и присаживаясь на несколько секунд, будто отдыхая, и снова переходя на крупную рысь, неизвестный четвероногий

не сворачивал с дровяной дороги, ведущей в дальний березняк.

— Ну, теперь видите, что это овчарка,— сказал Коля,— это Дозор Щёкиных.

Но, когда этот самый «Дозор» снова остановился и, подняв голову, завыл, что называется, на луну, Танечка прижалась ко мне и, делая вид, будто она дрожит, сказала:

— Васечка, мне страшно. Это серый!

— Это волк!—подтвердил Коля.

Да, это был волк. Через двойные рамы окна не было слышно воя, зато было видно, как волк открывал свою пасть. Мне даже показалось, будто я вижу его зубы.

Повыв так, волк направился дальше. Зимняя дорога в березняк проходила мимо нашего дома. И мы увидели волка совсем близко. Я посмотрел на стену, чтобы убедиться, тут ли папино ружьё. Как будто оно как-то могло пригодиться. Я никогда ещё в жизни не стрелял из ружья. Но мне показалось, что в случае крайней необходимости я могу выстрелить в волка через форточку. И такая возможность

вскоре представилась, но я в минуту забыл не только о ружье, но и о своём собственном существовании.

Волк подошёл к окну. Подошёл и приподнялся. Стоя на задних лапах, передними он едва не касался окна.

Теперь никто из нас не делал вида, будто мы дрожим. Стучали даже зубы. Но бабушку мы не разбудили. Коля предложил взять из ящика стола ножи. Это были столовые ножи. Мы их взяли.

А волк тем временем, словно проверив, что в доме всё спокойно, направился к нашему ягнятнику. Мы перешли к другому окну.

— Бедные ягнята!

Коля нашёл в кухне топор. Это придало ему ещё более воинственный вид. А я взял лом. Это было тоже достаточно нелепо, но, видимо, необходимо в те минуты.

Волк трижды обошёл ягнятник, затем влез на его крышу и стал разрывать лапами снег, затем мёрзлую землю. Таня, схватив меня за руку, сказала мне, как взрослая взрослому человеку:

— Василий, ты должен выстрелить в него и спасти ягнят!

— Это невозможно, — сказал я,— потому что в кухонном окне крепко-накрепко замазана форточка.

Волк, убедившись, что замёрзшей земли ему не разрыть, подошёл к входу в ягнятник. Он долго принюхивался, затем стал ломиться в дверь. Но напрасно. Будто обессилев и отчаявшись, он сел. Тут его привлекли другие запахи. Он направился к бочке.

Это была узкая и длинная бочка. Отцу отдали её на салотопенном заводе. Она была пропитана жиром. И отец хотел вкопать эту бочку в землю около канавки, чтобы собирать сточные и талые воды для поливки будущего нашего садика и огорода. В бочке можно было держать запас воды в семьдесят-восемьдесят вёдер. Это не маленький запас. Просаленная бочка, по мнению отца, могла долго простоять в земле, как сруб наливного колодца.

Запахи лежащей на боку бочки привлекли волка, и он влез в неё. И нам показалось, что мы слышим, как он сгрызает жирные бока бочки.

Так прошло минут двадцать. Покинув бочку, волк сел возле неё, облизываясь точь-в-точь, как Дозор Щёкиных. И я подумал: «А не Дозор ли это?»

Нет. Сомнения мои рассеялись тотчас, как только, чего-то испугавшись, волк сделал огромный прыжок и пустился наутёк. Мы снова перешли в большую комнату, взобрались на стол и наблюдали, как он удирает по той же дороге.

Часы пробили три, а нам было не до сна. Мы забрались на печку и шёпотом, чтобы не разбудить бабушку, делились впечатлениями и обсуждали планы поимки волка. Чего-чего только мы не выдумали тогда!

Коля, например, предлагал зарядить ружьё картечью, укрепить его на треноге, затем нацелить на бочку. И, как только волк появится снова и начнёт выгрызать сало, дёрнуть за шнурок, привязанный к спусковому крючку ружья.

Я предлагал поставить капканы. Но где их взять?

Танечка предложила приделать к бочке крышку. Приделать её так, чтобы она захлопнулась тотчас, как только волк войдёт в бочку. Это, на первый взгляд, нам показалось нелепостью, а на утро мы увидели в Танином предложении разумное зерно.

Коля сказал:

— Если крышку сделать с защёлкой — волк не откроет её?

— Но как сделать, чтобы она захлопнулась?— спросил я.

И Таня сказала:

— Так же, как дверку мышеловки.

Это опять показалось нелепым, но мы сделали именно так, как советовала Танечка.

Соорудив крышку, мы навесили её на петли. Защёлкой послужила нам воротная щеколда с пружиной.

На крышку мы положили три кирпича, чтобы она быстрее захлопнулась. Внутри бочки мы укрепили бечеву, на конец который было решено подвесить мясо. Как в мышеловке. И, коли зверь потянет за мясо, он сорвёт крючок рычага, удерживающего крышку бочки в поднятом состоянии.

Когда сооружение было закончено, мы с Колей поочерёдно изображали волков, залезая на четвереньках в бочку. Крышка исправно захлопывалась и щеколда запирала её.

Всё это делалось тайно. Бабушке было сказано, что мы строим зимнюю избушку для игры.

Наступила вторая ночь. Мы заняли сторожевой пост. Волк не появлялся. Мы уснули после того, как часы пробили четыре утра.

Наступила третья ночь. Мы ве-

рили, что он рано или поздно придёт. И он появился. Мы его узнали издали. На этот раз он, не останавливаясь, мчался к бочке. Мы стремглав перебежали к кухонному окну. Коля споткнулся в темноте. Это насторожило волка. Но вскоре он успокоился и подошёл к отверстию бочки.

Что было с нашими сердцами! В них работало по молотобойцу. Танечка даже как-то подскуливала по-щенячьи от нетерпения.

Волк сунул голову в бочку. Понюхал и вернулся. Сел. Облизнулся. Снова подошёл к бочке. Затем посмотрел на крышку, нависшую над входом в бочку, и отошёл.

— Пахнет железом,— сказал Коля.— Боится.

— Да ну тебя!— огрызнулся я на всезнающего товарища.— Как он может различать запахи? Не придумывай!

Посидев, волк направился к двери ягнятника. Он ещё раз сделал попытку нажать на дверь и оставил её. Затем он посмотрел на наше окно. Нам показалось, что он, злобно сверкнув глазами, сказал:

— Не проведёте! Я бывалый волк!

Будто сказав именно так, он побрёл в сторону. Может быть, в село. Хотя на это он едва ли бы мог отважиться.

Уснули мы огорчённые. Мне ночью снилось, будто волк написал нам письмо. На берёсте. В котором он сообщал: «Вот если бы не пахло железной щеколдой и железными петлями, я бы, так и быть, попал в вашу бочку».

Ужасно глупое письмо. Такое может только присниться. Но наутро мы решили помазать бараньим салом щеколду и петли.

Мне это казалось тоже глупым, но Коля настаивал, и Таня говорила:

— Он же тебя сам просит об этом на берёсте.

Наш секрет каким-то образом стал известен ребятам. И над нами стали смеяться:

— Волка вздумали бочкой поймать...

— Наврали три короба и сами себе верят...

— Прославиться хотят!

Это было очень обидно. Мы решили ещё подежурить ночь у окна. Так и сделали. Но в полночь пошёл снег, и всё заволокло. Не только волка не увидишь, даже бочки не различишь.

Наутро снег прошёл. Я проснулся и подбежал к кухонному окну. Бочка как была с насторожённой крышкой, так и осталась. Я снова лёг. Проснулись мы часов в девять. Бабушка дала нам поесть, и мы решили отправиться на лыжах, чтобы не встречаться с ребятами, которые снова начнут подсмеиваться над нами.

Когда мы вышли из дома, то увидели, что крышка бочки захлопнута. И первое, что пришло в голову, это — проделки ребят.

— Они нарочно захлопнули её, чтобы посмеяться над нами.

— Ну и пусть,— сказала Танечка.— А мы снова насторожим нашу волколовку. Когда-нибудь да попадёт. Будет для него ещё голодное время.

Согласившись с ней, мы решили насторожить крышку под вечер и стали надевать лыжи. Когда мы были готовы тронуться в путь, услыхали возню.

— Это в бочке,— сказала Таня.— Это в бочке!

Я не поверил, но лёгкий озноб радости пробежал по моим жилам.

— Там кто-то есть! Там определённо кто-то есть!— сказал Коля.— И я думаю, что ребята посадили туда какую-нибудь собаку. Чтобы поднять нас на смех.

И мне показалось именно так. Потому что я видел бочку с насторожённой крышкой, когда уже начинало светать. В ту пору не мог прийти волк.

— Сейчас мы её выпустим,— предложил я, но Таня остановила:

— А вдруг да...

«А вдруг да там он?»— подумал я и вдруг поверил, что там именно волк. Но почему он притаился? Почему? Тут я направился к бочке и тут же отскочил от неё. Я услышал волчий вой. Волк заметался внутри бочки так, что она заходила ходуном.

Мы боялись приблизиться к нашей волколовке. Мы опасались, что щеколда каким-нибудь образом перестанет держать крышку, и он... Или кинется на нас, или просто убежит. Тогда уже никто не поверит, что мы поймали волка.

— Вот что,— крикнул мне Коля,— неси из кухни лом! Мы прижмём крышку, а затем крепко-накрепко начнём заколачивать её гвоздями.

Заколачивать крышку бочки, в которой рычит волк, было страшновато. Но Таня... Я ещё больше полюбил в этот день мою сестрён-

ку... Она подавала гвозди и успокаивала:

— Ты посмотри, какие обручи на бочке... Он забился сейчас в глубь бочки. Вбивай не торопясь... Он нас боится больше, чем мы его...

Губки Танечки были бледными. Они дрожали, как и голос, как и руки, подававшие гвозди, но она вселяла уверенность... Не заколотив ещё всех гвоздей, мы услышали насмешливые голоса:

— Волка поймали?

— Заколачивайте, чтобы не убежал...

И Таня ответила ребятам:

— Да! И очень большого!

Ответила она так серьёзно, что все поверили. Некоторые из ребят приблизились к бочке, а другие дали дёру.

Вскоре пришли взрослые. В том числе охотники. Они наперебой друг другу пересказывали, как мы изловили бочкой волка.

В этот же день бочка с волком была погружена в сани. Волка поселили в глубоком сусеке хлебного амбара. Сусек затянули проволочной сеткой. Он жил там неделю или больше. Потом его надоело кормить, и

вскоре он переселился в школу. Чучелом. Ему подобрали стеклянные глаза. Мы их выбирали сами. Они были точь-в-точь такими же, как в ту ночь, когда он, уходя от бочки, злобно сверкнул ими, покидая наш двор.

После этого мы ещё много раз настораживали нашу бочку, но, видимо, остальные волки были умнее или менее голодны. Ни один больше не заходил в бочку.

А чучело волка и по сей день стоит в школе. Шкуру только немного попортила моль. Но мех теперь посыпают нафталином.

Свисток

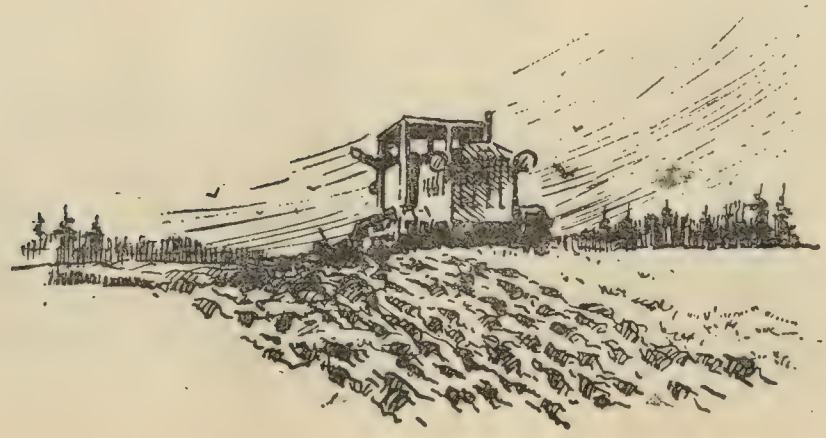
И. БЕЛЯЕВ

Разгорячённый трактор отдыхает,
Блестят под солнцем ярко лемеха,
И тракторист сынишке вырезает
Простым ножом свисток из тальника.

Лежит посуда на платке в горошек —
Отцу обед сынишка приносил.
— Ты сделай так, чтоб был свисток
хороший!—
На папу глядя, мальчик попросил.

А руки папы двигаются быстро,
Они все в масле, в копоти, в пыли:
Нет дел таких, чтоб руки тракториста
Чего-то, где-то сделать не смогли!

Уходит трактор в дали, уменьшаясь,
Вот он чуть-чуть уж виден вдалеке.
Стоит мальчишка, свистнуть не решаясь,
Зажав свисток безмолвный в кулаке.



Г. КАДАНЦЕВ

ИСКОПАЕМЫЙ ДЕД

Сеня, вернувшись из школы, остановился на пороге, не решаясь войти в комнату: незнакомый сухонький старичок, с жёлтой, полированной от времени головой и с длинной бородой, сидел у окна. На звук скрипнувшей двери он быстро повернулся к Сене. Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга.

— Ты кто таков будешь?— спросил наконец старик.

— Я?— переспросил Сеня.— Меня весь Эльмаш знает.— Я — Лепестков Сенька. А вы кто такие?

— А...— протянул старик.— Сенька, значит, Лепестков. Правнук. А я буду Лепестков Ксенофонт, твой прадед. Понял, кто я таков?

Сеня вспомнил, что отец говорил, что где-то в Сибири у его брата живёт древний дед.

— Понял,— ответил он.— Знаю маленько.

— А коль знаешь, так проходи, знакомиться будем.— И дед протянул ему руку, не вставая со стула.

Дед оказался разговорчивым и любознательным. Он рассказал, что приехал в Свердловск проведать родных и повидать своего бывшего ученика Бессонова, сейчас известного камнереза. На Сенин вопрос: «А сколько вам, дедушка, лет?» старик протянул неопределённо:

— Много. Со счёту сбился.

С минуту помолчал и добавил, качая головой:

— Девять месяцев...

— Как девять месяцев?!— лицо Сени вытянулось от удивления.

— А я разве сказал девять месяцев?— удивился в свою очередь старик.— Не... ерунда, конечно.

Мне, сынок, восемьдесят девять лет и девять месяцев. Во сколько! Попробуй, поживи с моё.

Сеня достал из портфеля две зелёные бусины, подошёл к комоду и взял стоявшую там вылепленную из пластилина кошку. Дед Ксенофонт оживился:

— Постой, постой, малец. Что это такое у тебя?

Сеня, подавая деду кошку, с гордостью произнёс:

— Это я на кружке лепки сделал. Мне пятёрку за неё поставили.

— Ты, говоришь, пятёрку на этой мазне заработал?— переспросил дед Ксенофонт.

— Это не мазня. Это была лучшая работа по школе,— вспылил Сеня.

Прадед молча снял очки, протёр их, снова водрузил на облупленный красный нос и принялся за кошку. Несмотря на то, что сухие морщинистые пальцы плохо слушались деда, слепок преображался на глазах. Сеня, сам того не замечая, подошёл к деду и сел против него на стул. Дед Ксенофонт осмотрел со всех сторон слепок, потом из-под очков оглядел Сеню и, увидев в его разжатой руке поблескивающие бусинки, словно склюнул их с ладони и ловко вставил в глазницы кошки. Блеснули зелёным огнём глаза, и кошка сразу стала, как живая. Дед посадил её на подоконник.

Сеня во все глаза смотрел на свершившееся чудо.

— Сила!— только и мог он выговорить.

— Нет! Плохо!— отозвался прадед.— Глаза уже не те, руки тоже. Трясутся окаянные! Эх, молодость, молодость...— И дед пустился в рассказы. Много Сеня узнал в тот день.

Узнал он и то, что рамки с фотографиями, стоящие на комоде, сделаны из солнечного растущего камня — селенита. И сделаны они самим прадедом в 1920 году и пода-

рены были им Сениной бабушке в день рождения.

Сеня подошёл к комоду и взял одну рамку. Время не исказило её. Отполированная, как зеркало, тёмно-янтарная поверхность отражала солнечные лучи, становясь кверху всё прозрачней и нежней.

— Это — кунгурский камень,— объяснил прадед, с кряхтением поднимаясь со стула.— Эта вот часть,— дед Ксенофонт показал на низ рамки,— называется корнем камня, или ножкой.

И Сеня заметил тёмную линию толщиной со спичку, которая пересекала рамку поперёк.

— А вверх от этой линии идёт уже сам камень. Это вот ваш камень, городской,— показывая на тёмно-зелёную, почти чёрную статуэтку моряка, пояснил дед.—Тоже моя работа. А камень мы серпентином зовём.

Сеня с уважением смотрел на деда:

— Дедушка, почему ты говоришь, что камень наш, городской?

— А его здесь добывают,— ответил дед.— Тутошний он, камень-то.

— Здесь? У нас в городе?— живо переспросил Сеня.

— Не знаю, сейчас берут его, нет ли, а раньше добывали.— Дед помолчал и с горечью произнёс:— Не слышал я, что его сейчас на поделку пускают.

Дед набил табаком трубку и задымил, задумался.

— Место, говоришь, где это? Тут оно, у самого Эльмаша. Рукой подать. Я когда с трамвая сошёл, то в ту сторону направился и сразу место-то признал, знакомое. Мы тут не раз бывали, за камнем хаживали. Версты две и то не будет, наверное.

Сене хотелось попасть на каменные карьеры сейчас же, сию минуту, и он начал умоляюще упрашивать деда пойти с ним, но тот отказался: устал с дороги. Однако пообещал Сене, что завтра обязательно сводит его на карьер.

ПОДЕЛОЧНЫЙ КАМЕНЬ

На другой день Сеня бегом мчался из школы. Дед уже поджидал его на скамейке у подъезда. Ему и самому не терпелось побывать там, где он не был уже с четверть века.

Сеня забежал домой, бросил на стул портфель с книгами и торопливо закинул за спину приготовленный ещё с вечера рюкзак с инструментом и едой.

— Я готов, дедушка!— появляясь на крыльце, звонко отрапортовал Сеня.

Дед осмотрел его с ног до головы и поднялся со скамейки.

— Ну, что ж, идём...

И старик, постукивая по асфальту железной тростью, двинулся к лесу.

Сеня старался идти рядом с дедом, но то и дело незаметно для себя убегал далеко вперёд. А дед не спеша отстукивает своей клюкой, не торопится. Хоть бы что ему!

— Что ты, как щенок непутёвый, всё вперёд забегаешь?— ворчал дед.— Я вот иду и думаю: найдём мы карьер или нет? Давненько я здесь не был. Вроде бы

и места-то знакомые. А гликось — всё застроено.

— Найдём, дедушка,— уверял Сеня.— Я на лыжах все горы здесь вдоль и поперёк исходил. Ты только скажи, куда — выведу.

За разговорами они не заметили, как вышли на стрельбище, где Сеня бывал не раз.

— Ну вот, кажись, мы и близко,— останавливаясь на опушке леса, проговорил дед.— Вон гора каменная,— дед ткнул тростью в воздух перед собой,— рукой подать.

— Да я с той горы не раз на лыжах катался!— обрадованно воскликнул Сеня.— И не видел там чёрных камней. Дедушка, мы, может, не к той горе вышли?

— К той! К той самой,— успокоил его дед.— В этой горе поделочного камня ни на один дворец хватит.

— А что, и дворцы из этого камня строят?— спросил Сеня.

— Нет, пострел,— ответил дед.— Нельзя этот камень для домов пустить, дорого будет. А красота отменная! Давай-ка отдохнём маленько.

Они присели на комель свежесрубленной сосны. Дед достал свою трубочку и набил табаком.

— Лет пятьдесят тому назад,— начал он рассказывать,— сыскался один кунгурский богач Дробилов. Понравился ему камень, и сгрохал он из него дом. Мне в ту пору лет тридцать было. Я уж мастером камнерезным считался. Пять человек нас, художников-камнерезов, четыре месяца работали у Дробилова, дом его обихаживали.

Дед задумался, попыхивая трубкой, вспоминая далёкое прошлое, свою молодость. Сеня тоже молчал, думая о доме из чёрного камня.

— На боковых сторонах дома картины выбили из жития святых,— нарушил молчание дед.— Боголюбом был Дробилов-то,— пояснил он.— А на лицевой стороне между окнами портреты их, хозяйские, во весь рост. Над ними ангел распростёрся, как бы охраняя от злоумышленников. Красивый домик получился, ничего не скажешь. Стены обработали, отполировали и воском покрыли. Дом-то на горе стоял, на весёлом месте. Посмотришь на него со стороны — залюбуешься!

— Дедушка, а дом-то и сейчас стоит?— спросил Сеня.

— Нет. Снарядом его в гражданскую войну разворотило. А так бы он тысячу лет простоял. Ну как, идём дальше?— спросил дед, подымаясь.

— Идём, дедушка, идём!— обрадованно вскочил Сеня.

Вскоре они подошли к заброшенному карьеру. Груды серых камней на поляне, серые валуны на горе, и в выработках всё тот же камень.

— Дед, а где же чёрный камень? — удивлённо оглядываясь, спросил Сеня.

— Да это же он и есть!— ответил дед.— Севастьян не узнал своих крестьян! Камень-то, когда заполируют, нагревают и вощат, он и чёрный становится.

— Как вощат?— не понял Сеня.

— Ну, как вощат, очень просто. Воском натирают. Ну, я тебе сегод-

ня покажу, как это. Давай-ка, поищем камень, который помягче.

— А что, они ещё твёрдые бывают?— спросил с любопытством Сеня, снимая с плеч рукзак.

— Есть такой твёрдый камень, его никакой инструмент не возьмёт,— ответил дедушка.

Сеня достал стамеску и подал её дедушке. Дед ощупал лезвие пальцем.

— Добра. Хорошо будет резать,— и начал пробовать валуны: нагибался над камнем, шабрил его стамеской и говорил:— Твёрдый. А ну-ка, этот.— И они переходили к следующему.— Этот ничего, этот можно будет взять,— наконец сказал дедушка.— Только тебе не унести его, наверное, будет тяжёлый очень.

— Унесу, дедушка, унесу,— заторопился Сеня, берясь за камень и с трудом отрывая его от земли, — он совсем лёгкий.

— Надсадишься,— сказал дед. — Поищем другой, полегше.

— Да нет, дедушка. Я и этот унесу. Мы ведь с отдыхом пойдём.

— Ну-к чо, ладно,— примирительно сказал дед.— Давай-ка попируем, да и в обратный путь.

Они нашли удобное место. Сеня достал припасы: булку хлеба, банку консервов и бутылку лимонада. Весенний лес был тих. Вдруг послышался отдалённый шум, и по железнодорожной магистрали, проходившей невдалеке от карьера, тяжело прогрохотал товарный состав. И снова наступила тишина.

— Кругом поезда ходят,— проговорил дед.— А раньше здесь глухомань была непролазная, тайга настоящая. Вот как времена-то меняются.

Остатки обеда и пустую бутылку дед уложил в сетку. Сеня с трудом взвалил рюкзак с камнем за плечи — и они двинулись в обратный путь.

ГЛАЗА БОЯТСЯ, А РУКИ ДЕЛАЮТ

Вырезать из камня вещь — это значит убрать с изделия ненужный камень. А камень — не пластилин, срежешь лишнее — не наставишь. В этом Сеня скоро убедился. Ещё до отъезда деда он вылепил из пластилина школьницу и по ней стал резать из камня статуэтку. Дед сколько раз говорил, чтобы ноги вырезать вместе, слитно.

— Камень хрупок, не любит тонких мест,— говорил дедушка и предсказал, что ноги у его школьницы обязательно отвалятся, если он их сделает по слепку. Но Сеня только смеялся:

— Это в ваше время ноги у фигур отваливались, а в наше, дедушка, они крепко держатся.

Сеня так ответил потому, что был уверен в своём мастерстве. Однажды вечером он сидел в своей мастерской в дровянике. На высоком верстачке стояла настольная лампа. Сеня осторожно, маленькой специальной стамесочкой выбирал камень между туфельками школьницы. Он уже работал около часу, а сделал очень немного. Камень был крупнозернистый, твёрдый и плохо поддавался обработке.

Сеня положил статуэтку на колени, взял молоток и лёгкими ударами по стамеске стал скалывать маленькие кусочки камня.

Работа пошла быстрее. Сеня повеселел: сегодня он закончит грубую обработку туфелек и завтра примется за окончательную отделку.

Лезвие стамески вошло в плоскость пьедестала, на котором стояла статуэтка, чуть поглубже. Сеня легонько ударил молотком. Стамеска осталась на месте. Сеня чуть-чуть прибавил силы удара и... ноги школьницы хрупнули! Одна у колена, другая у голеностопного сустава. Сеня так и замер. Внутри у него всё похолодело. Он в недоумении переводил взгляд с торчащих из пьедестала обломков на изуродованную безногую фигурку. И чуть не плакал. Как ему было обидно!

Он сразу вспомнил деда и свой хвастливый ответ. Сеня поставил на верстак пьедестал с остатками ног и на них осторожно установил школьницу и чуть не закричал с досады, что он уже не в состоянии помочь школьнице вышагнуть из каменной оболочки и стать изящней, чем пластилиновый слепок, стоящий рядом.

Долго Сеня смотрел на свою неудачу и не знал, как ему поступить: склеить фигурку и продолжать работу дальше или начать новую вещь. Он представил на своём месте дедушку. Что бы он стал делать? У дедушки был подобный случай. Он вырезал по заказу родовитого помещика статуэтку для подарка на именины одной богатой барыне. Дед не заметил трещины на шее. И у почти готовой статуэтки от неловкого удара отлетела голова. Деду жалко было выбрасывать свой труд, и он, недолго думая, приклеил голову.

На именинах, когда захмелевший помещик, хвастаясь подарком, поднял статуэтку за голову, произошла авария. Полуметровая фигура оторвалась от головы и упала на дорогое, подаренное барыне в тот же вечер заморское блюдо. Гости ахнули. Блюдо разлетелось на черепки.

Деду крепко перепало тогда, и он раз навсегда дал себе зарок не работать на живульку.

Сеня осторожно, обеими руками, взял статуэтку с подставкой и переставил её в самый угол.

Вскоре все в школе и в классе стали готовиться к областному фестивалю молодёжи. Сеня решил сделать новую статуэтку «Школьница» и лепить её с одноклассницы Тани. Она ему очень нравилась — стройная, с чёрными пышными косами, короной сложенными на голове.

Три месяца упорного труда по вечерам не пропали даром. Статуэтка, ещё далёкая от совершенства, но уже ощутимая и реальная, вышла навстречу Сене из серого куска камня. Сеня больше часа неподвижно смотрел на неё. Высокая тонкая девочка с чуть откинутой назад головой насмешливо глядела на Сеню. Какой простотой и непринуждённостью веет от всей её фигуры! Кажется, вот-вот разогнётся её рука, возьмёт мел и начнёт писать на доске крупным круглым Таниным почерком. Сеня смотрел и удивлялся: как всё просто! А сколько времени он потерял на то, чтобы добиться этой простоты. Сколько просидел над складками её одежды, которые сейчас придают фигурке законченность и изящество! Не зря дедушка говорил, что глаза боятся, а руки делают. Хорошая пословица! Но вот и лицо закончено. Даже две неболь-

шие морщинки на лбу, и те встали на своё место, теряясь у висков под косами. Когда Сеня закрывал нижнюю часть лица до глаз, то не было никакого сомнения, что перед ним стоит Таня. Если же он закрывал причёску и лоб, то перед ним была уже не она, а какая-то чужая, незнакомая девочка. В чём дело? Какой штрих он упустил? Ясно, чего-то не хватало. Но чего? Он так и не определил.

Сеня завернул статуэтку в чистое полотенце. Уже поздно. А завтра последний день, решающий день. Завтра Сеня должен вынести свою работу на общественный смотр.

Родители уже спали. Сеня тихонько прошёл в свою комнату и включил свет. Будильник на столе показывал половину двенадцатого, Сеня завёл его на семь часов утра, развернул статуэтку и поставил её на стол, рядом с чернильным прибором. Прибор он сделал под руководством деда Ксенофонта. Массивный поддон, две гири-чернильницы, а под ручки и карандаши — гоночная лодка, выполненная заодно с поддоном.

Статуэтка и чернильный прибор «Спортсмен» тускло отсвечивали, соперничая в красоте форм. Сеня неохотно оторвал взгляд от стола и начал собирать книги и тетради. А вот и мешочек под калоши, в котором он завтра понесёт статуэтку в школу. Мама выстирала его и повесила на спинку Сениной кровати. Как она хорошо придумала — лучше некуда! Если ребята будут отдавать завтра свои работы, Сеня сбегает вниз в гардеробную и достанет из мешочка статуэтку.

Сеня разобрал постель и юркнул под одеяло.

Спать! Спать!

ЛУЧШАЯ РАБОТА

Класс шумно наполнялся учениками. Был последний день учёбы и последний срок сдачи работ к фестивалю. Ребята гордо разворачивали свёртки и показывали друг другу своё творчество.

Один лишь Сеня молчаливо сидел за партой и никак не решался сходить за статуэткой. Таня, староста класса, остановилась около его парты и убийственным тоном произнесла:

— Лепестков, я так и знала, что ты ничего не принесёшь. Хотя бы подушечку вышил к фестивалю.

Ребята захохотали. Сеня возмущённо встал, хлопнув крышкой парты, и, глядя прямо в глаза Тане, сказал:

— А я, может быть, сделал вещь, которая получше ваших всех будет, вместе взятых,— и снова сел, хлопнув крышкой.

— А что ты сделал, скажи нам? — подступила Таня.— Мы ведь всё равно узнаем.

Сеня молчал.

— Он чёртика с рожками из пластилина слепил!— крикнули с задней парты.

— А может быть, и чёртика!— зло отозвался Сеня.

— Сенечка, не годится грубить товарищам,— весело проговорила Таня, присаживаясь к нему.— Скажи мне по секрету, что ты изобрёл? Я никому не разболтаю.

Сеня молча посмотрел на сияющее лицо Тани и произнёс, чуть заикаясь:

— Я из камня статуэтку сделал. Но, наверное, её никому не покажу.

После того, как он похвастался перед классом, что его работа лучше всех, ему стало стыдно. А вдруг его поднимут на смех? Опозорят на всю школу. «Ишь ты, скульптор доморощенный», «хвастун» и ещё что-нибудь такое обидное и злое скажут.

— Статуэтку из камня?— живо переспросила Таня.— Это очень интересно... А где она у тебя?

— На вешалке, под пальто...

— Но мне-то ты её покажешь, Сеня?— вкрадчиво спросила Таня.

— Тебе? — переспросил Сеня,— не знаю...

И вдруг резко сказал:

— Тебе тоже нет! И никому не покажу!

— Какой ты, Сеня, упрямый,— вставая, произнесла Таня.

Она подозвала подругу Лену и что-то шепнула ей на ухо. Лена выбежала из класса и вскоре вернулась, неся в обеих руках тяжёлый Сенин мешочек. Сеня порывисто встал, чтобы отобрать у Лены своё сокровище, но Таня раскинула руки и загородила ему дорогу.

Лена извлекла статуэтку и поставила её на стол учительницы. Ребята повскакали с мест и окружили стол.

— Да это ведь Танька!— испуганно, на весь класс крикнула Лена.

— Какая Танька?— недоверчиво протянула рядом стоящая девочка. И, внимательно всмотревшись в фигурку, растерянно подтвердила:

— Да и верно, ребята, Таня... Наша Таня.

Смущённая всеобщим вниманием, Таня покраснела, сердито поглядывая на Сеню. Затем она подошла к нему и с укоризной произнесла:

— Хотя бы мне сказал, что меня вырезал. А то получается нехорошо. Словно нарочно я послала Лену за твоим изделием, чтобы скорей все это увидели.

— Ай да Сенька! Молодец!— восхищались ребята его работой.

Гера Облаков придирчивым взглядом опытного художника, прищурившись, сличал статуэтку с оригиналом.

— А нос-то, ребята, не Танин!— вдруг выпалил он.

— Как не мой? Мой нос!— ощупывая свой нос и разглядывая статуэтку, ответила Таня.

— Не твой! Всё равно не твой!— упрямо повторял Гера.

— Вот посмотрите!— Гера ткнул пальцем в переносье фигурки.— Здесь должна быть маленькая горбинка, а её нету! И у Тани нос вздёрнут вверх, а на камне — вниз.

Таня провела по своему носу.

— Есть горбинка. И верно, вверх нос смотрит. Как же быть? Не мой нос!— и она посмотрела на Сеню.

— Что я говорил?— гордо повернулся Гера к ребятам.—Человек искусства сразу определил, что это не художество, а халтура.

— Сам ты халтура! — набросилась Лена на Облакова. — Тебе и за сто лет не вырезать такой вещи!

— Зачем мне вырезать, когда я могу нарисовать Таню в сто раз лучше, чем Сенькин уродец.

— Хвастун! Сам ты уродец!— насмешливо выкрикнул Синицын.

Ребята засмеялись и увидели в дверях классную руководительницу. Она слышала весь спор.

— Тише, ребята! Тише!— громко произнесла Александра Александровна, входя в класс.— Спор принципиальный, и его надо решить.— Она посмотрела на Сеню, который от смущения то краснел, то бледнел и, наверное, каялся, что принёс свою работу в класс.

— Скажи, Гера,— обратилась учительница к Облакову, показывая на статуэтку,— похожа она на Таню?

Гера исподлобья посмотрел на руки учительницы и уставился в пол перед собой. Ребята молчали, ожидая ответа «человека искусства».

— Похожа...

— А почему ты из-за какой-то незначительной горбинки решил, что это не произведение искусства?— снова спросила учительница.

— Почему? — переспросил Гера — Да всё потому, Александра Александровна,— горячо заговорил он.— Зачем Сенька не сказал нам, что из камня режет? Мы с братом тоже могли бы что-нибудь к фестивалю из камня сделать.

Гера чуть не плакал от обиды, что их картиной интересовались меньше и что всем очень понравилась Сенькина работа.

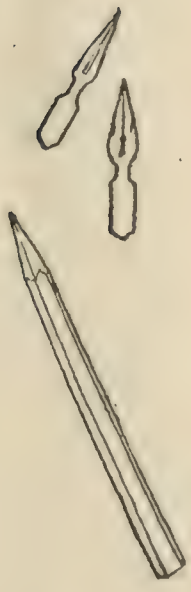
— Ну, это другой вопрос, Облаков,— произнесла учительница.— Садитесь все. Начнём урок.

Когда Александра Александровна отвернулась к доске, на Сенькину парту упала записка.

Крупным, красивым Таниным почерком было написано:

«Я не ожидала, что ты такой мастер. Может быть, ты покажешь мне свою мастерскую?» Сеня посмотрел на Таню. Она ждала ответа. И он утвердительно кивнул ей головой.

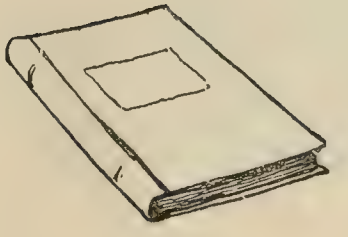
Портфель



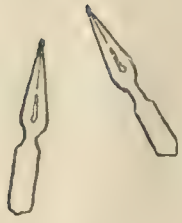
Евгений ФЕЙЕРАБЕНД

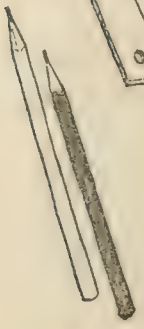
Купили мне осенью
Новый портфель.
С ним в школу ходил я
И в дождь, и в метель.

Любил я,
Как верного друга,
Портфель мой,
Наполненный туго,
С замочком,
На солнце горевшим огнём.
И всё помещалось
В портфеле моём:
Учебники,
Ручка,
Тетрадки,
Дневник
И всё, что с собою
Носить я привык.



Удобная штука —
Хороший портфель!
С ним в школу ходил я
И в дождь и в метель.

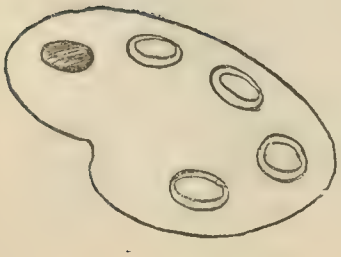




Участвовал с ним я
В весёлой войне,
Портфелем
Приятелей бил по спине.
И всё мой портфель
Выносил до поры.
Когда ж я на нём
Прокатился с горы,
Замкнулся навечно
Блестящий замок,
И дома портфель мой
Открыть я не мог.

Замочек,
На солнце сверкавший огнём,
Закрыл, запечатал
В портфеле моём
Учебники,
Ручку,
Тетрадки,
Дневник
И всё, что с собою
Носить я привык.

Ну, как же я завтра
Пойду на урок?
Зачем я,
Портфель мой,
Тебя не берёг!



Чужая книга

И. ДАВЫДОВ

Надя сидела на диване и читала. Книга была очень интересная — про маленькую девочку, которую в войну увезли с Дона в Германию. В одном месте Надя даже заплакала. Ей было жалко маму этой девочки. Она после войны много лет разыскивала свою дочку по всем детским домам страны и никак не могла найти. А девочке сказали, что её мама в Америке, и увезли за океан.

Сначала эту книгу прочитала Валя Силина и говорила о ней в школе целую неделю. Наде тоже захотелось её почитать.

— Принеси её мне,— попросила Надя.— Я прочту быстро-быстро. Целыми днями буду читать. Даже гулять не пойду.

— Ой, что ты!— Валя подняла руки к груди, как будто ловила мяч.— Книжка не моя.

— А чья?

— Толькина. Это наш соседский мальчишка. Ужасно жадный.

— А если у него попросить? Неужели не даст?

— Я не буду.— Валя помотала головой, и её короткие тугие косы с красными бантиками прочертили в воздухе две дуги.— Я для себя-то еле выпросила. И он сказал: никому не давать. Если хочешь — проси у него сама.

— Хорошо,— согласилась Надя.— Пойдём сегодня к тебе после уроков, и я попрошу. Ладно?

— Ладно.

Увидев Тольку, Надя подумала, что он учится уже, наверно, в пятом или шестом классе. Несмотря на то,

что очки у него всё время смешно съезжали на одну сторону, Толька казался очень важным. Возможно, это было потому, что у него за спиной стояла большая полка, битком набитая книгами.

Он выслушал Надю, поправил очки и спросил почему-то у Вали:

— А с книгами твоя подруга умеет обращаться?

— Умею! Умею!— поспешила Надя.

— А ты не слюнявишь пальцы, когда перелистываешь страницы?— На этот раз Толька обратился уже к Наде.

— Нет, что вы!— ответила Надя. — Я её в белую бумагу оберну. Вы не думайте! Книга будет целая и чистая.

— Ну, хорошо,—смягчился Толька и протянул Наде красивую тёмно-зелёную книгу с золотой надписью на корешке. — Через неделю принеси и никому не давай. А то больше ничего читать не получишь.

И вот уже второй день Надя читала. Книга, действительно, была такая, что не оторвёшься.

В коридоре раздался звонок. Надя не шелохнулась. Не хотелось уходить от книги, даже на минутку, чтобы открыть дверь.

Из столовой в коридор прошлёпала тапочками бабушка. Скоро послышался её голос:

— Наденька! Иди сюда! Тётя Катя пришла.

Надя неохотно положила книгу на диван и побежала в коридор. Тётю Катю она не особенно любила, но

бабушка говорила, что с ней, как и со всеми, нужно быть вежливой.

Мама, которая недавно надолго уехала в командировку, тоже старалась быть с тётей Катей вежливой, хотя Надя видела, что маме это не всегда удавалось.

Тётя Катя жила на соседней улице и приходила почему-то всегда не вовремя,— когда у бабушки стирка или уборка, или когда у Нади завтра контрольная и надо много учить, или, вот как сегодня, когда надо быстро прочитать интересную книжку.

Бабушка как-то заметила, что тётя Катя часто приходит не вовремя, и тяжело вздохнула:

— Всегда оно так. Плохой человек — и в праздник не вовремя, а хорошему — и средь ночи рады.

Тётя Катя была папиной сестрой. С тех пор, как папа уехал на полярную зимовку, она часто говорила:

— Моими глазами на вас смотрит Павел. Если бы я забыла про вас, он не смог бы спокойно дрейфовать на своём острове.

Надя однажды сказала, что дрейфовать можно только на льдине, а на острове нельзя, но тётя Катя отмахнулась от неё:

— Ты ничего не понимаешь, крошка. Они там на Севере все дрейфуют.

Иногда тётя Катя приводила с собой на ремешке пушистого белого шпица, которого звали Титан. В коридоре она спускала его с ремешка, и Титан бегал по всей квартире и жевал портьеры.

На этот раз тётя Катя тоже пришла с Титаном и тоже спустила его в коридоре с ремешка. Титан моментально исчез.

Полчаса пришлось сидеть в столовой и пить чай вместе с бабушкой и тётей Катей. Потом Надя побежала в спальню — хотелось читать.

У двери её встретил Титан. Он заглядывал ей в глаза и весело помахивал хвостом, как будто просил, чтобы его за что-то похвалили.

Надя заглянула в комнату, и глаза её стали большими, испуганными: в углу лежала изодранная и изжёванная Толькина книга, а возле дивана валялись клочки от её листов.

Надя подбежала к книге, отогнула смятый переплёт, потрогала мокрые разорванные страницы и громко заплакала. Комок бумаги, который лежал в углу, уже не был книгой.

Когда бабушка и тётя Катя вбежали в комнату, Надя закричала:

— Вот что сделал ваш проклятый Титан! Чтоб он сдох!

Тётя Катя рассердилась:

— Как ты смеешь так говорить о Титане! Ноги моей больше не будет в этом доме! Я всё напишу Павлу! Я расскажу ему, как жутко воспитывают его ребёнка!..

Она выбежала в коридор и закричала оттуда на всю квартиру.

— Титаник! Титаник!

Бабушка тоже поспешила в коридор и долго что-то говорила тёте Кате. Но до Нади доносились лишь звонкие тёткины слова:

— Нет! Я ему напишу! Нет! Пусть Павел знает! Нет! Не говорите мне!

Затем хлопнула выходная дверь, и бабушка появилась в дверях спальни.

— Что ж ты, Надюша, наделала!— всплеснула она руками.— Ах, как нехорошо! Уж так нехорошо! Так нехорошо!

Затем она, кряхтя, нагнулась к Наде, которая всё ещё сидела на полу, и спросила:

— Что хоть за книжка-то! Учебник какой?

Надя, всхлипывая, рассказала.

— Нехорошо... Нехорошо.:.—покачала головой бабушка.—И что теперь делать? Может, ему какую другую книжку отдать? У тебя ведь их много...

— Толька не возьмёт... Это ведь очень интересная.

В коридоре снова раздался звонок.

— Наверно, Катя что-нибудь забыла,— сказала бабушка и пошла открывать.

Но пришла не тётя Катя, а Валя Силина. Она вбежала к Наде в спальню и сразу увидела разорванную книгу.

— Это что?— спросила Валя.

Надя, не отвечая, смотрела в пол.

Валя взяла книгу в руки и ахнула:

— Это же Толькина книга! Что ты с ней сделала?

— Это не я. Это тётикатин Титан.

Валя молча переворачивала изодранные страницы.

— Что же теперь будет?— тихо проговорила она.— Ведь Толька и мне из-за тебя ни одной книжки не даст.

— Но я же не виновата...— всхлипнула Надя.

— А кто же виноват? Я, что ли?— Валя решительно поднялась и стала застёгивать пальто.— Ты брала книгу — ты и отвечай. Надо было смотреть за своим Титаном!

— Бабушка говорит, Тольке другую книгу дать,— сказала Надя.— Может, он возьмёт, а?

— Не возьмёт,— уверенно ответила Валька.— Нужно купить такую же.

На другой день после уроков Надя поехали с бабушкой в книжный магазин. Но там этой книги не было. Не было её и в другом книжном магазине, и в третьем, и в четвёртом.

— Давно продана,— отвечали продавцы.— Да и было-то её немного.

Надя и бабушка вернулись домой усталые и огорчённые.

— Ну как? Купили?— спросила в школе Валя на другое утро.

— Нету её нигде.

Вечером Надя плакала, уткнувшись в подушки. Бабушка сидела рядом и гладила её по плечу.

Неожиданно она сказала:

— А что, Надюша, если написать туда, где книжка выпущена. Может, оттуда пришлют?

Надя, не успев вытереть слёзы, соскочила с дивана и схватила изуродованную книгу, которая лежала на подоконнике.

Книга была выпущена в далёком сибирском городе. Надя знала про этот город потому, что два года назад папу хотели послать туда на работу. Он уже совсем согласился, и

бабушка даже начала перекладывать свой сундук. Тётя Катя, которая до этого появлялась у них только по праздникам, стала приходить чуть ли не каждый день и, по-хозяйски оглядывая комнаты, бормотала:

— Здесь я поставлю ширму, а здесь — зеркало... Завтра же куплю ещё пару тёмных штор...

Но шторы она покупала напрасно: вместо папы послали кого-то другого.

Надя ещё тогда жалела, что они не поехали: хотелось посмотреть новый город, покататься на поезде.

Осторожно перебирая помятые страницы, Надя сквозь ещё не высохшие слёзы глядела на книгу. На самой последней странице было написано:

«Редактор И. Коваленко».

— Наверно, этот Коваленко там самый главный,— сказала Надя бабушке.— Может, ему написать?

— Давай напишем ему,— согласилась бабушка.

Они перешли в столовую. Бабушка, нацепив очки, стала писать в чистой тетрадке. Буквы у неё получались ломаные, как будто из них делали гармошку.

Надя тоже написала:

«Дорогой дядя редактор Коваленко!

Титан изжевал у меня чужую книгу. Теперь мне нечего отдавать Тольке. Пришлите, пожалуйста».

Утром по дороге на базар бабушка опустила письмо в ящик. А ответа Надя стала ждать уже с тех пор, как заклеила конверт, проведя по его краешку языком.

Проходили дни. Надя, осторожно разглаживая страницы и подклеивая их оторванные кусочки, уже давно дочитала Толькину книгу. А ответа на письмо всё не было.

Валя Силина перестала сердиться и вместе с Надей ждала, что вот-вот принесут толстый пакет с книгой.

Прошло больше недели. Нужно было что-то делать.

— Давай я скажу ему, что ты заболела,— предложила Валя.

— Скажи.

— Только чем заболела-то? Как сказать?

—Ну... ангиной.

Валька усмехнулась:

— При ангине только и читать. Он скажет: пойди да забери книгу. Нужна такая болезнь, чтоб я к тебе ходить не могла.

— Такой я не знаю,— растерянно произнесла Надя.— Может, коклюш?

— Коклюшем болеют в детском саду, а не в третьем классе,— уверенно сказала Валя.— Надо придумать взрослую болезнь.

— Давай, скажем подагру,— предложила Надя.— У меня бабушка подагрой болеет.

— А что у неё болит?

— Руки и ноги.

— Это не подходит. Болезнь надо заразную. У нас вот дворничиха всех «холерой» ругает. Говорят, холера — сильная болезнь.

— Ну, говори холеру,— согласилась Надя.

На другой день Валя рассказывала:

— Остановила я Тольку в коридоре и говорю, что ты холерой заболела. А он даже очки снял. «Это,

говорит, в наше время случай редкостный». Я ему объясняю, что боюсь заразиться и к тебе не хожу. А он схватил с вешалки шапку, пальто и давай быстро одеваться. «Куда ты?»— спрашиваю. А он отвечает: «В скорую помощь звонить. Человек с холерой дома лежит, а ты тут рассуждаешь. В больницу её надо». Я его еле удержала. Сказала, что тебя вот-вот должны увезти.

Теперь после уроков Надя почти бежала домой и, когда гуляла, не выходила со своего двора. На улице можно было встретить Тольку. Она даже перестала из-за этого бывать в кино и собирала в копилку деньги, которые бабушка, как и обычно, давала ей на билеты.

Когда кто-нибудь звонил, Надя теперь первая бегала открывать дверь. Но почтальона с толстым пакетом всё не было.

Однажды вместе с газетой бабушка вынула из почтового ящика тоненькое письмо.

Пока бабушка искала очки, Надя разорвала конверт и прочитала отпечатанный на машинке коротенький текст:

«Уважаемая тов. Зотова!

Ваша заявка передана в торговую организацию.

Зав. редакцией *Н. Мельников*».

Всё здесь было непонятно. О какой заявке идёт речь? Ведь они с бабушкой посылали письмо. И потом этот Мельников так и не написал самого главного — пришлют книгу или нет.

Бабушка, прочитав письмо, вздохнула:

— Вот и Катя, наверно, так бы ответила...

Теперь Надя уже совсем не знала, что делать. В последний день перед весенними каникулами она показала письмо Вале, и они решили целый урок думать, как поступить. Валя думала честно. Учительница даже сделала ей замечание за то, что она всё время смотрела в окно.

На перемене Валя предложила:

— Давай всё по правде расскажем Тольке и отдадим ему это письмо. Пусть выбирает другую книгу.

— Так ведь он же думает, что я в больнице.

— Да-а...— Валя задумалась и машинально потянула за красный бантик на косичке. Бантик развязался. Она сердито стала его завязывать.— Вот видишь! Заврались мы с тобой!..

И всё-таки они решили на каникулах придти к Тольке и рассказать ему правду. Другого выхода не было.

Однако идти к Тольке не пришлось. В первый же день каникул он уехал за город к брату. Надя, узнав об этом от Вальки, вытряхнула из копилки деньги и побежала в кино. Теперь она спокойно ходила в кино каждый день.

А в конце каникул, когда Надя уже ничего не ждала и даже перестала открывать дверь, к ним неожиданно пришёл почтальон и положил на стол большой пакет, на котором было много марок. В пакете оказалась книга — та самая книга в красивом тёмно-зелёном переплёте, которую Надя ждала так долго.

Вместе с пакетом пришло письмо от редактора Коваленко, которому когда-то писали они с бабушкой. И первое, что поняла Надя, прочитав его письмо, было то, что Коваленко оказался не дядей, а тётей. Внизу стояла подпись: Ирина Михайловна Коваленко.

«Вернувшись из отпуска,— писала Ирина Михайловна,— я узнала о вашей просьбе. Высылаю книгу и желаю Наде хорошо учиться».

В этот же вечер Надя и бабушка снова вместе писали письмо. Они благодарили Ирину Михайловну и приглашали её к себе в гости на следующий отпуск. В конверт бабушка вложила деньги за книгу.

Отправив письмо, бабушка записала в свою маленькую книжечку адрес Ирины Михайловны и сказала:

— К маю поздравление пошлём. Хороших людей забывать не надо.

В первый же день после каникул Надя завернула книгу в чистую белую бумагу и понесла её Тольке.

Он встретил её удивлённым взглядом:

— Ты так быстро вылечилась от холеры? Удивительно!

Надя покраснела от стыда. Но подводить Валю ей не хотелось.

— А у меня оказалась не холера,— храбро сказала она.— Там что-то перепутали.

— Я же говорил, что в наше время такая болезнь — редкостный случай,— обрадовался Толька.— А в общем тебе повезло. От неё запросто умереть можно...

Он взял из рук Нади книгу и, не глядя, равнодушно, сунул её на полку. Потом поправил съехавшие набок очки, хлопнул Надю по плечу и сказал:

— Ты в общем молодец. Бери у меня читать, что хочешь.

Неприятное соседство

Борис ЯРОЧКИН

Не поскупилась в этом году зима! Снег заботливо укутал землю метровым слоем, плотным, прибитым вьюгами и ветрами, осыпал пушистыми хлопьями сосны, лапник елей и пихт, обрызгал инеем кусты черёмухи и рябины, осинник и березняк...

Игнат Максимович легко скользит на лыжах по проложенной лыжне. На нём телогрейка и заячий треух, за спиной охотничий мешок с добычей да ружьё. Он коренаст, широк в плечах. Брови у него лохматые, длинные, они почти скрывают маленькие серые глаза. Его пышные, чуть опущенные книзу усы и лопатообразная борода седы от инея, на них мелкие сосульки.

Шагает Клепиков широко. Скрипит под лыжами снег, невзначай задетый лапник норовит осыпать охотника порошей. В лесу тихо. Лишь изредка треснет ветка или вспорхнёт из-под лыж косач, поднимая снежный фонтан.

Игнат Максимович смотрит вперёд. Вон за тем поворотом, что спускается в ложок, стоит на заячьей тропе петля, а дальше капкан. Подходит. Петля пуста, а в капкане уже замёрзший заяц.

— Четвёртый сегодня есть!— улыбается в усы Клепиков, вытаскивая из капкана зверька и укладывая его в мешок.

«Однако я план свой не сегодня-завтра выполню,— удовлетворённо

думает Игнат Максимович, скользя на лыжах дальше,— ещё парочку беляков надобно добыть, а там уж и сдавать шкурки можно. Как раз сотня будет!»

Зайцев в этом году много, и Клепиков не беспокоится. Он знает, что перевыполнит план. А вот как быть с лисами? Только четырёх взял, обязался же добыть десяток!

Но вот лыжню пересекает новая тропа.

Игнат Максимович останавливается, вытаскивает из кармана кусок проволоки с закрученным ушком на конце, делает петлю и привязывает её над тропкой за осинку, а через четверть часа вытаскивает из очередной петли ещё одного зайца.

«Девяносто девятый!»— считает охотник.

Он спускается с увалов в ельник, искусно лавируя среди деревьев и валежника. Здесь троп заячьих всегда много, почти каждый раз тут попадаются беляки, но на этот раз почему-то петли и капканы пусты. Клепиков оглядывается и замечает новый след. Широкий, круглый, отпечатка когтей не видно. Рысь? Игнат Максимович приседает на корточки и трогает след пальцем.

«Рысь, она и есть,— думает он.— Недавно ходила, ночью или под утро. Потому и зайцев нет — распугала!»

Впереди раздаётся пронзительный заячий крик.

«Попал-таки косой,— думает Игнат Максимович,— как раз сотый будет! Неверно, я его с лёжки поднял».

Клепиков спешит к беляку.

Заяц кричит опять, потом перестаёт, и снова его испуганный вопль повторяет эхо. Ныряя под распластанный лапник, охотник бежит по лыжне и на повороте внезапно останавливается, а рука невольно стягивает с плеча ружьё.

«Вот уж никогда такого не видывал!» — изумляется Клепиков и торопливо меняет в стволах патроны с дробью на картечь.

Перед ним, шагах в двадцати, в привязанном к дереву капкане мечется пойманная за лапу рысь, а в двух метрах от неё, на перекрёстной тропе, сидит с петлёй на спине заяц.

Он уже не может бегать вокруг берёзок, за одну из которых привязана петля. Проволока обвита вокруг дерева, и косой теперь сидит ни жив ни мёртв, не сводя взгляда с рыси. И, когда хищник бросается в сторону зайца, пытаясь вырвать из капкана лапу, беляк от страха орёт не своим голосом.

Раздаётся выстрел. Рысь бьётся на снегу.

Игнат Максимович смотрит на рыжую с пятнами шкуру хищника и думает, что рысь, пожалуй, заменит ему двух-трёх лисиц, а сотого зайца он поймает ещё.

— Что, косой, неприятное соседство?— смеётся Клепиков, высвобождая беляка из петли.— Ну, расскажи, кто из вас вперёд попал? Молчишь? Да я и сам знаю: ты попал в петлю первый, а рысь к тебе бежала, да угодила в капкан. Правильно я рассудил?

Он держит зайца за лапы, гладит.

— Ну, трусишка, хоть и натерпелся ты страха, да помог мне рысь добыть,— говорит Клепиков,— а долг платежом красен. Отпускаю тебя. Беги, да смотри не попадайся больше...

Заяц, прижав к спине уши, задаёт стрекача.

На финской земле

Недавно группа свердловских туристов совершила на теплоходе «Грузия» путешествие вокруг Европы. Туристы побывали в Финляндии, Бельгии, Франции, Италии, Греции, Турции, Румынии.

Мы помещаем впечатления журналистки Клары Скопиной о встречах в Финляндии.

Перед отплытием.

За кормой теплохода — волнующийся, изменчивый след, он теряется в дали, у которой нет конца. Иногда кажется, что этот след, как клубок какого-то фантастического каната, разматывается от самого Ленинграда. И поэтому, сколько мы ни плывём, Ленинград не кажется далёким. А, может быть, ощущение растущего расстояния между нами и Ленинградом пропадает ещё потому, что за кормой всё время летят чайки — наши, балтийские, солидные, уверенные в себе.

Если переезжаешь границу в поезде, то приметы чужой земли чувствуешь сразу: в форме пограничников, в незнакомой речи, в манере одеваться, в сотне незначительных, но ярких деталей.

А тут — море. Волны и волны, попробуй, догадайся — наши они или чужие.

За несколько часов до прихода в первый иностранный порт Хельсин-

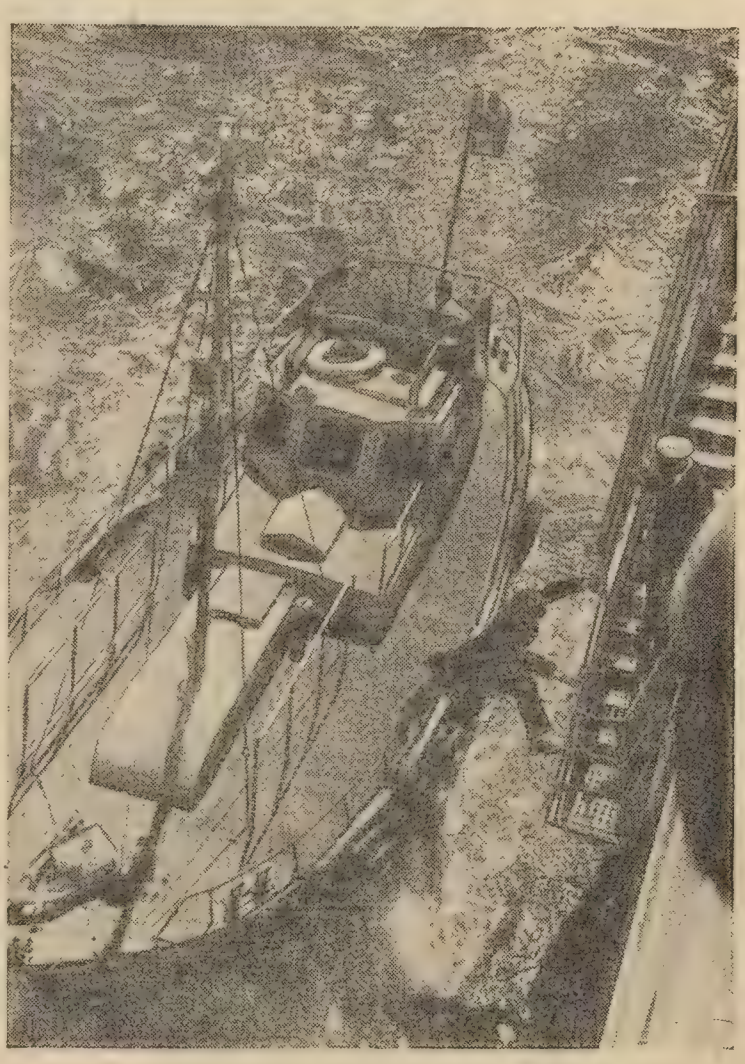
ки к теплоходу пришвартовывается маленький катерок, с него по трапу взбирается на борт нашего белоснежного красавца моряк. Это — лоцман, знаток местных вод. Он поведёт наш теплоход к финскому берегу.

Туристы с дружеским любопытством разглядывают первого представителя финской земли — сдержанного, скупого на улыбку. Какой она будет, первая встреча, с первой на нашем пути страной другого мира?

Нас сошло на берег семьсот девяносто человек. Сотни советских туристов, разных по возрасту, профессии, характеру, одинаково взволнованы в эти минуты. Волнует и толпа празднично одетых, сдержанных, приветливо улыбающихся людей, которые терпеливо ждали, пока окончатся пограничные процедуры и туристы сойдут с теплохода.

Но уже через несколько минут волнение, которое всегда испытываешь перед неизвестным, сменяется совсем другим чувством. Мы слышим по-русски сказанные слова: «Мир!», «Друзья!» Их слышат одновременно в разных концах пристани, их произносят ребята и девушки, иногда с неуверенностью школьника, осваивающего чужой язык, иногда твёрдо и чисто. Но как бы они ни произносились, они понятны и дороги.

Проходит ещё несколько минут, и уже не сразу различишь, где гости, а где хозяева. Идёт традиционный обмен сувенирами: значками, монетами, спичками, открытками. Сувениры — прекрасный международный язык. Если человек снимает с груди дорогой для него значок и с улыбкой прикалывает его вам, можете быть уверены: в этот момент его волнует хорошее чувство. С помощью жестов, нашего многоязыкового «разговорника», вручённого дирекцией теплохода каждому туристу, завязываются немногословные, но выразительные беседы.



Прибыл лоцман...

— Фестиваль... Очень хочу... Москва,— смущаясь своей беспо-

мощностью, говорит молодой парень.

— Вы поёте, пляшете? Хотели бы выступить на фестивале?

Парень не понимает вопроса, неуверенно оглядывается на друзей. Нас выручают две девушки. Знакомятся с нами: Мария и Ольга.

На площади г. Хельсинки.

Одна — весёлая, с живым открытым взглядом, с пышной полумальчишеской причёской. Другая — тёмноглазая, тёмноволосая, немного застенчивая. Девушки прекрасно говорят по-русски, и с их помощью мы узнаём много интересного. Ребята, окружившие нас, оказывается, рабочие.

— Нет, мы не поём и не пляшем. Не умеем. Но в Москву очень хочется попасть...

Наш разговор прерывает смех, аплодисменты, весёлые выкрики на русском и на финском языках. Это в кругу, где расположился наш оркестр и где всё горячей идёт пляска, произошло что-то весёлое. Нет, честное слово, финская туристская фирма не зря написала на своих проспектах «Добро пожаловать!». «Будьте как дома!» — большинство наших туристов чувствуют себя легко и непринуждённо!

Мария и Ольга смеются вместе со всеми. Мария, мечтательно глядя на наш теплоход, говорит:

— Знаете, мы очень любим, когда приезжают русские туристы. Весело бывает очень. Тёплые такие встречи. Особенно после того, как побывали ваши руководители—Хрущёв и Булганин, русских встречают с особым удовольствием... Многие понимают, что вы нас очень выручаете: ваши руководители заключили торговый договор с нами. Значит, будут новые заказы на заводах, значит, не будет безработицы...

Интересный для нас разговор прерывается снова. Но мы не в обиде — стоило только оглянуться, чтобы понять, с каким нетерпением ждут этого разговора другие.

Другие — это финские школьники, мальчики и девочки. Такие же нетерпеливые, любопытные и непосредственные, как дети всего мира. Они были первыми, кто одарил нас самым горячим вниманием. Ещё не причалил пароход к пристани, а они

Памятник погибшим в море.

уже ждали нас. Далеко в море мы заметили пёструю многоцветную людскую ленту, опоясавшую пристань. Это оказались ребята со школьными ранцами, некоторые пришли группами, другие — всем классом, с учителями или классными наставниками. Мы ещё не спустились на берег, а они уже начали бойкий обмен сувенирами, прямо с пристани закидывая на высокий борт теплохода завёрнутые в бумагу значки и монеты и с нетерпением ожидая ответных сувениров. Жадно разглядывали друг у друга открытки с просторными улицами и площадями Москвы или Ленинграда, с горами Кавказа или уральской тайгой...

Среди ребят особенно выделя-

лись мальчишки в светло-зелёных куртках спортивного типа и красных трёхконечных галстуках из плотной материи.

— Это наши пионеры,—с какой-то особенно тёплой улыбкой сказала Мария, заметив, что мы с интересом присматриваемся к ребятам.— Они у нас молодцы, надёжный народ. Всё умеют, «золотые руки», как у вас говорят... Им и надо всё уметь — ведь у них девиз: «За дело народа — всегда готов!» А условия для работы не очень-то благоприятные...

Автобусы уже отправлялись на экскурсию по городу, и нам пришлось распрощаться с нашими новыми знакомыми. Но девушки пообещали обязательно разыскать нас.

Они сдержали слово. Вечером они нашли нас у парка Линна-Мяки, а на следующий день пришли провожать на пристань. За эти короткие встречи мы успели много узнать о мужестве и упорстве лучшей части финской молодёжи, которая, как и наша молодёжь, хочет спокойствия и мира на земле. Нелегко и непросто драться финским пионерам за своё дело, но трудности только оттачивают их мужество, сообразительность, обогащают умением.

В Финляндии до шестидесяти детских организаций. В Союз пионеров, в котором состоят дети рабочих, крестьян и служащих, входит сейчас 18 500 членов. Это — боевая организация, члены её сами собирают взносы, агитируют подписчиков своего журнала «Жаворонок». За успешную работу Союз награждает пионеров. Например, девочка, завербовавшая больше всех подписчиков, получила в награду заграничную летнюю поездку.

— Настоящий пионер должен быть не только мужественен душой, но и иметь умные руки, иначе он не будет полезен организации,— рассказывали Мария и Ольга.— За умение наши пионеры получают почётные значки. По этим значкам сразу можно определить, на что в трудную минуту может рассчитывать организация, что она может ждать от своего пионера.

Есть значки «За хорошую учёбу», «Строитель», «Всё умею делать сам». Каждый значок имеет три класса — для младших, средних и старших школьников.

Финские пионеры — заядлые путешественники, поэтому у многих из них можно увидеть значок «Всё умею делать сам». Этот значок даётся тем, кто овладел многими полезными для путешественника навыками: умеет построить шалаш, плот для двоих, наладить рыбную ловлю в походе, знает азбуку Морзе, морские сигналы, компас и топографию умеет точно определить размеры отдалённых предметов.

— Конечно, наши пионеры не имеют таких условий для работы, как у вас. Ведь у вас организации прямо при школе, да?— спрашивает Оля.— Ну, а у нас пионеры объединяются вокруг клубов. А клубов для молодёжи мало, негде собираться.

— Но наши старшие товарищи сделали для молодёжи и пионеров замечательный подарок,— перебивает её Мария.— Вы слыхали о доме на улице Стурен-Кату?..

Да, мы уже слыхали об этом необычном здании — просторном, светлом, красивом. И нам было понятно, почему с такой гордостью о нём рассказывают девушки. Этот дом строили для молодёжи жители Хельсинки — рабочие, служащие, студенты. Дом ещё не был достроен, когда в нём уже проходил II съезд Коммунистической партии Финляндии.

Строили народный клуб на субботниках. Тех, кто отработал 25 часов, награждали бронзовым значком, за 50 часов — серебряным, за 100— золотым. А тому, кто проработал на общественной стройке 150 часов, присваивалось звание мастера.

Не все, кто хотел помочь молодёжи, могли работать сами: одни из-за плохого здоровья, другие из-за неумения или недостатка времени. Тогда они вносили деньги. Тех, кто внёс 10 тысяч марок (а средний заработок рабочего, например, 30 тысяч марок), награждали серебряным значком.

Наши финские подруги с такой теплотой и осведомлённостью рассказывали нам о пионерах Финляндии, что мы невольно заинтересовались их профессией.

Лукаво переглянувшись с Ольгой, Мария засмеялась и торжественно представилась:

— Мы — пионерские вожатые. Мы так быстро нашли общий интерес и увлеклись разговорами, что забыли узнать профессии друг друга.

— Но это не помешало нам понимать друг друга, верно?— о чём-то задумавшись, сказала Ольга.— Люди всегда могут понять друг друга, когда они этого захотят... Расскажите о наших пионерах вашим юным товарищам на родине — пусть они с детства учатся понимать друг друга!..

Про Славу

Асен БОСЕВ

День и ночь мечтает Слава
На весь мир себя прославить,
Чтоб, как Левский, был он твёрд,
Чтоб, как Ботев, смел и горд[1],
Чтобы стал он — как герой
Краснодонец Кошевой.

Только как себя прославить
И куда стопы направить,
Коль давно уж, как назло,
Время подвигов прошло.
Он в труде бы первым стал,
Да ещё покуда мал...
Но решает Слава:
Всюду
Всё равно я первым буду!
Будет знать меня завод,
Буду первый полевод,
Самый лучший машинист
И шахтёр, и тракторист!

---

[1] Василь Левский и поэт Христо Ботев — выдающиеся деятели национально-освободительного движения в Болгарии второй половины 19-го века.

Или стану я учёным,
Или главным чемпионом,
Иль на полюс полечу —
Всё смогу, что захочу!..

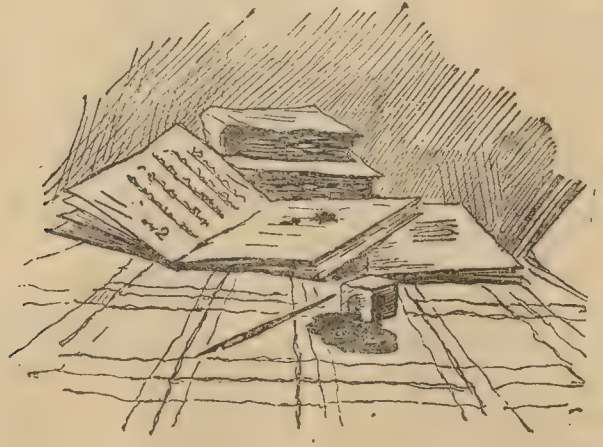
О геройстве думал Слава
Несерьёзно, для забавы.
Об отличиях мечтает,
А уроков он не знает:
— Ох, как труден был урок,
Зазубрить его не смог!—
И в задании домашнем
Намазюкал — просто страшно!

— Вы скажите мне, доколе
Будем слушать о глаголе?
Сколько горя и страданья
Мне приносят окончанья!..
Скажешь Славе:
— Поработай!—
Отговорки вмиг найдёт он:
— Можно раниться киркой!
— Ой, заныл мой зуб больной!
— Быстро сделать не смогу!
— Утону ещё в снегу!..

Ну, какой же он ударник?—
Ждёт, что скажут: «Ешь, дружок!»
Ну, какой же он полярник?—
Испугал его снежок.
И какой же он шахтёр?—
От кирки отводит взор.
Без зарядки, вялый он —
Этот самый чемпион!
Стать учёным он желает,
А уроков-то не знает!
Зноя летнего боится,
Ветра — чтоб не простудиться!
От всего у Славы страх
Отражается в глазах...

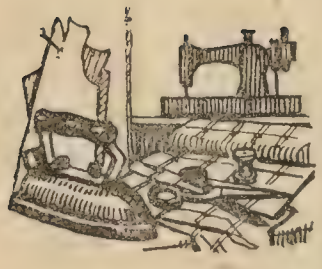
Так везде и всюду Слава
Лишь в мечтах себя прославил!..

Перевёл с болгарского
Е. РУЖАНСКИЙ.

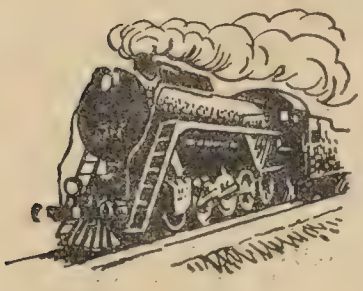


Наш Пройчо профессию ищет

Асен БОСЕВ

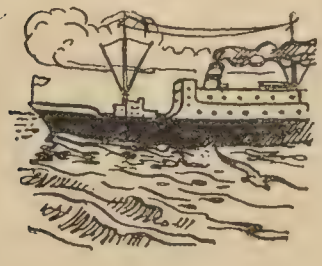


Наш Пройчо профессию ищет.
— В портные? Нет-нет, не пойду!
На свете их целые тыщи.
Получше я дело найду!



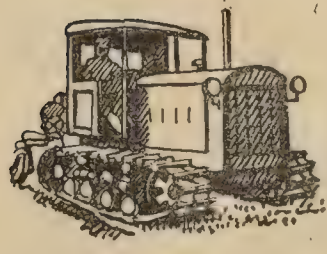
— Тогда становись машинистом
И мчись по родимой стране!
— Немало профессий и чистых
Ещё повстречаются мне...

— Ну, стал бы ты, Пройчо, отважным,
Известным стране моряком.
— На море — и волны, и страшно,
Оттуда не виден мой дом...



— Тогда ты посеял бы жито,
Взрастил бы стране урожай.
— Легко ли под небом открытым:
Жара да ветра́, то и знай...

— Шахтёром не хочешь ли?
— Что ты!
Не нравится мне под землёй!..—
Он ищет особой работы,
Сам даже не знает — какой.



Кем станет наш Пройчо — не знаем.
Его не влечёт ничего.
Бездельником и лентяем
Не зря называют его!

Перевёл с болгарского
Е. РУЖАНСКИЙ.

А. П. БОНДИН

(к 75-летию со дня рождения)

К. В. БОГОЛЮБОВ

Если вам придётся побывать в Нижнем Тагиле, то среди прочих достопримечательностей города вам назовут и городской сад. Он стар и помнит ещё времена демидовщины. Спускается он прямо к пруду. Отсюда видна Лисья гора с башенкой на вершине, рядом тяжело дышит и лязгает металлом завод. В саду ваше внимание привлечёт памятник. Он несколько в стороне от главной аллеи, в тени вековых тополей. Высокий серый камень. Из камня выступает лицо. Широкий выпуклый лоб, губы, как будто готовые раскрыться в доброй улыбке. В руке — книга. Под барельефом надпись:

Бондин
Алексей Петрович
1882—1939

Здесь похоронен замечательный писатель-уралец, уроженец Нижнего Тагила.

Недалеко от городского сада, тоже по берегу пруда, на Красноармейской улице в доме № 8, на стене которого прибита мемориальная доска, вы можете посетить кабинет Бондина. В этом доме вам расскажут о жизненном и литературном пути писателя.

Пройдёмте несколько кварталов, поднимемся в гору. В скромном одноэтажном домике по улице Дзержинского, 14, жила семья потомственного тагильского рабочего Петра Фёдоровича Бондина. Здесь родился и осиротел будущий писатель. Здесь началась суровая школа его жизни.

Пойдёмте дальше, по дороге на Выю. Мрачное казарменного типа здание. Это бывший Авроринский приют — одно из «богоугодных заведений», учреждённых владельцами Нижне-Тагильского городского округа Демидовыми-Сан-Донато, для сирот рабочих. Такое благодеяние, к слову сказать, стоило гроши: приютских кормили скудно и одевали в самое дешёвое. Семилетнего Алёшу Бондина старшие братья отдали сюда как круглого сироту (вскоре после смерти отца умерла и мать).

А теперь вернёмся снова к центру города. В этом большом двухэтажном здании, где сейчас педтехникум, было, как его называли, городское трёхклассное училище.

В нём Алёша Бондин учился до четырнадцати лет, но так и не кончил несмотря на то, что учение давалось ему легко.

На пятнадцатом году пошёл он на завод. Ещё и сегодня напоминают о демидовском прошлом приземистые корпуса, толстые каменные стены. В тёмном помещении механического цеха пол и стены вздрагивали от мощных ударов. В узеньких окнах дребезжали стёкла. Вдали шумно вздыхали огромные печи, высовывая ослепительно яркие огненные языки. В грохоте и шуме, среди стремительно бегущих шкивов и ремней двигались фигуры рабочих. В этом царстве огня и железа начал свою трудовую жизнь Алексей Бондин. Здесь он приобрёл специальность слесаря, здесь же получил тяжёлое увечье, и, наконец, отсюда же был уволен с работы. Не за прогул или какой-нибудь другой проступок, а за то, что требовал компенсации за увечье.

Долго и бесплодно скитался по Уралу молодой слесарь Бондин. Всюду, куда он ни обращался, получал в ответ короткое: «Работы нет». Где только он ни побывал: и на Сосьвинском, и на Надеждинском, и на Богословском заводах. Так и не нашёл работы. И тогда решился на смелый шаг — поехал на Волгу. На одном из крупных Сормовских заводов ему удалось поступить в механический цех. В Сормове существовала подпольная большевистская организация. С одним из её руководителей, легендарным Петром Заломовым, он сошёлся довольно близко. В Сормове впервые познакомился и с произведениями Горького. Здесь сделал и первые шаги в литературе.

Бондину выпало счастье участвовать в знаменитой первомайской демонстрации сормовских рабочих весной 1902 года. Вспомните замечательное описание этой демонстрации в произведении Горького «Мать». А у Бондина о ней рассказывается в повести «Моя школа».

Таким образом, Сормово сыграло в жизни будущего писателя большую роль — приобщило его к политической борьбе и дало толчок к литературной работе.

...Но возвратимся в Тагил. Через два года вернулся туда и Алексей Петрович. 1905 год. В мае этого года в Нижнем Тагиле вспыхнула всеобщая забастовка. Одним из организаторов её был Бондин. Рабочие потребовали установления восьмичасового рабочего дня и увеличения заработной платы. Нижний Тагил, город старой рабочей славы, вставал на путь революционной борьбы.

1906 год, август. Нижне-Тагильский комитет РСДРП решил провести массовку в лесу за речкой Вязовкой. Бондин встал пикетчиком у железнодорожного моста. Один за другим шли товарищи через мост. В лесу на широкой поляне происходила массовка. Докладчик из Екатеринбурга говорил о задачах рабочего класса, об организации боевых дружин, о новом наступлении на царское самодержавие. Когда рабочие стали расходиться, нагрянула полиция. Среди арестованных был и Алексей Петрович.

Посмотрите на это двухэтажное каменное здание на Уральской ули-

це. Тяжёлые чугунные ворота когда-то, видимо, накрепко замыкали вход и выход во двор. Это здание бывшей земской тюрьмы. Здесь сидел за «политику» слесарь тагильского железнодорожного депо Алексей Бондин, отмеченный полицией как политически неблагонадёжный.

...Блестят рельсы. Раздаются свистки маневровых. Пахнет гарью и мазутом. Видите приземистое здание с овальной крышей, с зарешеченными окнами? Это паровозное депо. Здесь долгие годы работал Петрович — так его любовно звали рабочие. Уважали его, как талантливого мастера, и любили, как чуткого товарища, весёлого, общительного, всегда готового помочь и выручить.

...Идёте вы от вокзала широкой улицей Ленина, с той и с другой стороны прекрасные многоэтажные дома. Они встали на месте полусгнивших деревянных строений старого Тагила. На угоре величественное здание, оно обращено фасадом к широкой площади. Это новый тагильский драматический театр. До него были сцены в рабочих клубах, а ещё раньше небольшой театр отдела народного образования. В этом театре зимой 1920 года ставилась первая пьеса первого советского писателя Урала Алексея Бондина. Это было в то время крупным общественно-политическим и литературным событием. Пьеса «Враги», так она называлась, обошла сцены всех рабочих клубов Урала.

Начал свою литературную деятельность Бондин с пьес, затем перешёл к рассказам. Написан им был и ряд повестей: «Уходящее», «Связчики», «Матвей Коренистов». Все они посвящены жизни уральских рабочих в прошлом и настоящем.

Широкую картину жизни рабочего класса Урала нарисовал Бондин в романе «Лога» — первом уральском советском романе.

...Поднимемся по улице Карла Маркса к её началу. Отсюда, с горы, видны синеющие скалистые или покрытые лесом хребты, мощные каменные массивы. Мы у здания с вывеской «Редакция газеты «Тагильский рабочий». Здесь, в помещении редакции, собирался литературный кружок, которым руководил Бондин. Сам он считал себя учеником Горького и по-горьковски любовно растил литературную молодёжь, передавая ей свой богатый жизненный, а затем и литературный опыт. Как Горький, он учил черпать материал из жизни народа, правдиво и душевно рассказывать о людях труда, подмечать новое и помогать его развитию.

...Школа № 6, десятилетка. Высокие, просторные классы. Много воздуха, много света. На видном месте портрет Бондина. Это школа его имени. Здесь Алексей Петрович читал отрывки из повести «Моя школа». Серьёзно, тщательно готовился он писать эту книгу. Ведь до того он специально для детей ничего не писал.

«Моя школа» — это не только биография Бондина, это биография целого поколения, описание детства и юности пролетария в типичных обстоятельствах уральской действительности 90-х годов. Основные герои книги — рабочие-труженики,

талантливые и несчастные люди, вроде изобретателя Катышева, или уже сознательно поднимающиеся на борьбу, такие, как Борисов, Хорошев. «Весёлой и жуткой» назвал писатель свою книгу.

Горький включил повесть «Моя школа» в список рекомендованной для детей и юношества литературы наравне с классическими произведениями Толстого, Аксакова и других крупных русских писателей. Со всех концов Советского Союза автор получал восторженные отклики. Бондин посвятил свою повесть пионерам — поколению, которому принадлежит будущее. Не одно издание выдержала «Моя школа» и стала одной из любимых книг советских детей и юношества.

...На пути от Свердловска к Тагилу, за станцией Анатольевской сразу же начинается лес. Здесь был отправной пункт охотничьих экспедиций Алексея Петровича. В лесной глуши соорудил он охотничий балаган. Здесь рождались сюжеты и образы увлекательной книжки рассказов «В лесу». Этот сборник первоначально не предназначался для детей, но он стал наравне с «Моей школой» любимой детской книгой. Столько в ней тепла и света, столько настоящей большой любви к природе Урала, к людям Урала. Просто и живо, с добродушной улыбкой рассказывает писатель об охоте на зверя, о ночёвках в лесу, о рыбной ловле, о глухариных токах, а главное — о встречах с такими же охотниками и рыбаками, как он сам. Да, это такие же, как он, рабочие люди, и потому со страниц книги встаёт центральный образ бондинских произведений — образ рабочего человека.

Смерть застигла писателя в расцвете литературной деятельности.

Выступая в октябре 1939 года перед радиослушателями, Алексей Петрович делился с ними планами дальнейшей работы. Они были обширны. Думал написать третью часть «Логов», историческую повесть «Братья Салаутины» о вооружённом восстании работных людей нижне-тагильских заводов в 1762—1764 годах. Под перо просилась история знаменитой Соловьёвской шахты.

— Хочется работать и работать... Хочется оставить после себя хорошее литературное наследство, чтобы будущее поколение помянуло Алексея Бондина добрым словом.

Так закончил писатель свою последнюю речь. В этих словах он сформулировал цель всей своей большой творческой жизни.

...На площади в центре города возвышается огромное здание с массивными колоннами. В прошлом здесь помещалось управление всеми заводами Нижне-Тагильского горного округа, теперь это здание горсовета. В одном крыле его находится городской музей — один из лучших музеев нашей области. Проходя по его чугунным плитам, вы полюбуетесь на «сухопутный пароход» Черепановых, на ажурные часы Жепинского, на модель Черноисточинской плотины Клементия Ушкова, на самокат Артамонова, на реалистические полотна крепостных живописцев Худояровых. Полюбуетесь и удивитесь уму, таланту, мастерству

русского рабочего человека. В музее есть и уголок Бондина, писателя, который так задушевно и ярко писал о вдохновенном труде, о думах и стремлениях, о жизненных судьбах своих земляков — уральских рабочих.

Книги его живут и радуют. И сам он живёт в них с его поистине горьковской любовью к человеку и его делам. Трудно представить себе Бондина без Тагила и Тагил без Бондина. Теперь, когда его родной город опоясан кольцом гигантских промышленных предприятий, когда так неузнаваемо изменился его облик, видишь, что сбывается то, о чём так страстно мечтал когда-то Алексей Петрович.

Идёшь по Тагилу и, кажется, вот-вот встретишь знакомую сухощавую фигуру, с лёгкой и быстрой походкой, с лицом в сетке морщинок и с такими удивительно молодыми, смеющимися глазами. Подойдёт он, как бывало, крепко пожмёт руку, хлопнет по плечу и скажет знакомым сиповатым баском:

— Гляди, как улыбается наш Тагил...Растём, брат, растём!

ЗВУК-ТРУЖЕНИК

Б. ЦЫВЬЯН

Весна в этом году на Урале была дружная. Обильные потоки солнца нежно ласкали пробудившуюся после долгой зимы землю. Неугомонные ручьи и щебет птиц наполняли лес безудержным весельем, многоголосым шумом. А воздух... Весной всё чудесно и непередаваемо! Только, когда сам побываешь в лесу, на берегу реки или на душистом лугу, начинаешь понимать красоту русской природы.

Календарь показывал начало мая. Но я уже нетерпеливо считал дни, оставшиеся до отъезда на полевые работы.

И вот, наконец, с рюкзаком за плечами я сошёл на платформу станции Егоршино. Небольшой служебный автобус ожидал нашу изыскательскую группу на площади за вокзалом. Шофёр помог погрузить геодезические инструменты, и мы тронулись в путь. Я сидел у открытого окна и с удовольствием подставлял лицо шаловливому ветру. Миновав несколько поворотов и строений, дорога свернула в лес. Вечерело.

Глаза уже не различали отдельных деревьев и полянок. Темнота постепенно окутывала лесную чащу. Я начал дремать, как вдруг машина остановилась.

— Задержимся минут на двадцать,— сказал шофёр,— подвело переднее колесо. Придётся менять.

Мы вышли из машины. Но не прошло и нескольких секунд, как на нас налетели тучи маленьких разбойников. Воздух был наполнен тонким комариным писком. Комары садились на шею, лицо, руки и беспощадно кусали. Что делать? Вернулись обратно в автобус. Но и там комары не оставили нас в покое.

— В этом году на комаров урожай. Давайте разложим костёр,— предложил кто-то из пассажиров.

— Нет, товарищи, костёр зажигать нельзя. Ведь кругом лес-сухостой, пожар может быть,— рассудительно ответил чей-то голос.— Лучше я вам дам против комаров верное средство.

— Что за средство?

— А вот смотрите.— С этими словами пожилой мужчина достал из чемодана небольшой пузырёк. Три капли резко пахнущей жидкости растёрты на ладонях; ещё парой капель смазаны шея и лицо.

Действительно, комары сразу же куда-то исчезли.

— Так что же это за жидкость?— спросил я у соседа.

— Это гвоздичное масло. Защита отличная. Но плохо, что масло быстро высыхает и нужно снова смазываться.

Пока наше внимание было занято борьбой с комарами, шофёр успел сменить колесо. Заработал мотор, и мы поехали дальше. Этот разговор в автобусе мне вспомнился через несколько дней. Разбивка трассы электропередачи шла довольно успешно. Но комары буквально изводили нас. Гвоздичного масла не было. Конечно, можно было бы надеть накомарники, но работать в них очень неудобно.

Однажды вечером, возвращаясь домой, я встретил своего приятеля Костю Семёнова. Несколько лет назад он окончил электротехнический институт и теперь работал на местном радиозаводе.

— Что-то ты растолстел,— хитро прищурив глаз, заметил Костя, показывая на моё припухшее лицо.

— Растолстеешь тут у вас... Ни днём, ни ночью комары покою не дают. На трассе их полно, а придёшь домой,— и там не меньше. Кусаются, как тигры!

— Заходи, дружище, ко мне. Постараюсь помочь,— сказал он на прощание.

Я знал Костю как отличного, вдумчивого инженера и неутомимого изобретателя. Вспомнилось, что мы нередко называли его

сильным инженером по слабым токам. На следующий день после работы я отправился к нему в гости.

Дом моего приятеля оказался расположенным в живописном уголке, недалеко от леса. «Наверное, у тебя в квартире от комаров тоже спасения нет»,— невольно подумал я.

Костя встретил меня очень радушно. За беседой и ужином время прошло незаметно. Уже стемнело, когда я неожиданно заметил, что в комнате совершенно нет комаров. Это было удивительно. На мой вопрос о них Семёнов ничего не ответил. Он подошёл к выключателю и погасил свет.

— Теперь взгляни в окно.

Мои глаза быстро привыкли к темноте. В чёрном квадрате большой форточки то в середине, то в одном из углов непрестанно вспыхивали и сразу же гасли яркие искры. Вспышки сопровождались

тихим, немного шипящим звуком. Я не отрывал глаз от необычайной иллюминации, но ничего не понимал.

— Зрелище очень красивое. Но причём здесь комары?— заинтересовался я.

— Всё очень просто. В форточке часто натянуты тонкие металлические проволочки. От катушки Румкорфа, повышающей напряжение, электрический ток подаётся к проволочкам. Как только комар залетает в комнату, он попадает между двумя проволочками с высоким напряжением и мгновенно сгорает. Вспыхнувшая искра — это яркая смерть комара.

— Теперь тебе понятно, как я уничтожаю комаров? — сказал Костя.

— Понятно-то понятно, но как в лесу от них избавиться? Вот в чём вопрос,— заметил я.

— Как раз сегодня в заводской лаборатории я кончил сборку нового прибора. Завтра мы его с тобой испытаем. Надеюсь, он надёжно защитит нас от комаров.

На следующий день мы окончили намеченную работу раньше обычного. Расположившись под развесистой берёзой, я то и дело поглядывал на часы. Наконец, на

тропинке показался Костя Семёнов. Я ожидал увидеть у него в руках какой-нибудь ящик или футляр с прибором. Однако ничего не увидел.

— Где же твой обещанный прибор?

Семёнов улыбнулся и, обведя вокруг себя руками, сказал:

— Ты лучше посмотри на результаты его работы.

Около Кости не было ни одного комара. Интересно, что когда мы подходили к нему, то комары, всё время вившиеся над нашими голо-

вами, не летели, а отлетали в сторону. Это было поразительно.

— Вот видите, комариные мученики, комаров-то и след простыл!

Костя достал из нагрудного кармана рубашки пластмассовую коробочку размером в спичечный коробок.

Открыв крышку, мы увидели что-то вроде миниатюрного радиоприёмника. На верхней стороне крышки был вмонтирован крошечный выключатель. Мы заинтересовались устройством прибора. Но прежде чем говорить о нём, Костя рассказал нам о комарах.

— Советские учёные изучали поведение комаров. Они получили много ценных и любопытных сведений. Кому из вас незнаком комариный писк? А вряд ли вы знаете, что комар совсем не пищит. Тонкий, сверлящий звук, который мы слышим, вызван частыми движениями крыльев комара.

Сами же комары издают другие, неслышимые для человеческого уха колебания — ультразвуки. Эти звуки отличаются очень большим числом колебаний. С помощью ультразвуков комары «разговаривают» между собой. Биологи научились понимать разговор комаров.

Чаще всего комары пользуются двумя сигналами. Первый сигнал: «Здесь пища!» На него слетаются все комары. Второй сигнал: «Здесь опасность!» Получив этот сигнал, комары мгновенно разлетаются.

— Это очень интересно. Но как же работает прибор?— спросили мы.

— Очень просто! Это — крохотный ультразвуковой передатчик. Построен он на полупроводниках. Работающий передатчик, как усердный комар, всё время посылает чёткие сигналы: «Здесь опасность!», «Здесь опасность!» Поэтому все комары и улетают от нас.

— Любопытно. Но неужели только комары издают ультразвуки?

— Нет, не только они. Например, летучие мыши летают в полной темноте. Они никогда не натыкаются на окружающие их деревья, здания, даже на телеграфные провода. Почему? Многие считали, что у них «острое зрение». Но однажды проделали интересный опыт. Летучей мыши заклеили глаза. С заклеенными глазами она продолжала летать также уверенно, как и раньше. Но, когда ей заклеили уши и рот, она действительно стала «слепой».

Было установлено, что у летучей мыши очень тонкие голосовые связки. В полёте она испускает неслыши-

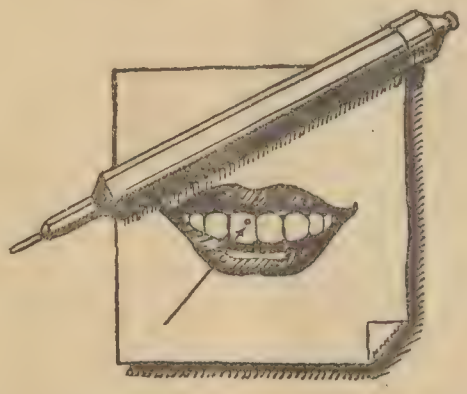
мый «крик». Это ультразвуковые колебания. Если впереди препятствие, то ультразвук отражается от него. Теперь летучей мыши остаётся, как приёмнику, «поймать» отражённый ультразвук. «Внимание! Впереди препятствие!» — Вот что говорят отражённые ультразвуковые колебания.

* * *

Дорогие ребята! Наверное, некоторые из вас усомнились в правдивости нашего рассказа. Отчасти вы правы. Отчасти, потому что радиоприбора, подающего сигналы опасности комарам, пока что нет. Но биологами совершенно точно определено, как «разговаривают» комары, и поэтому не будет ничего удивительного, если такой прибор появится. Пока же учёные, занимающиеся ультразвуком, решают более важные задачи.

Неслышимый звук очень «скромен» и «тих», но, тем не менее, он обладает многими замечательными

свойствами. На заводах появились новые станки, напоминающие по внешнему виду сверлильные. Вместо сверла, у станка тонкий игольчатый стержень. Под стержнем лежит пластинка стекла. Включён ток и послышалось тихое жужжание. Прошло немного времени, и в стекле образо-

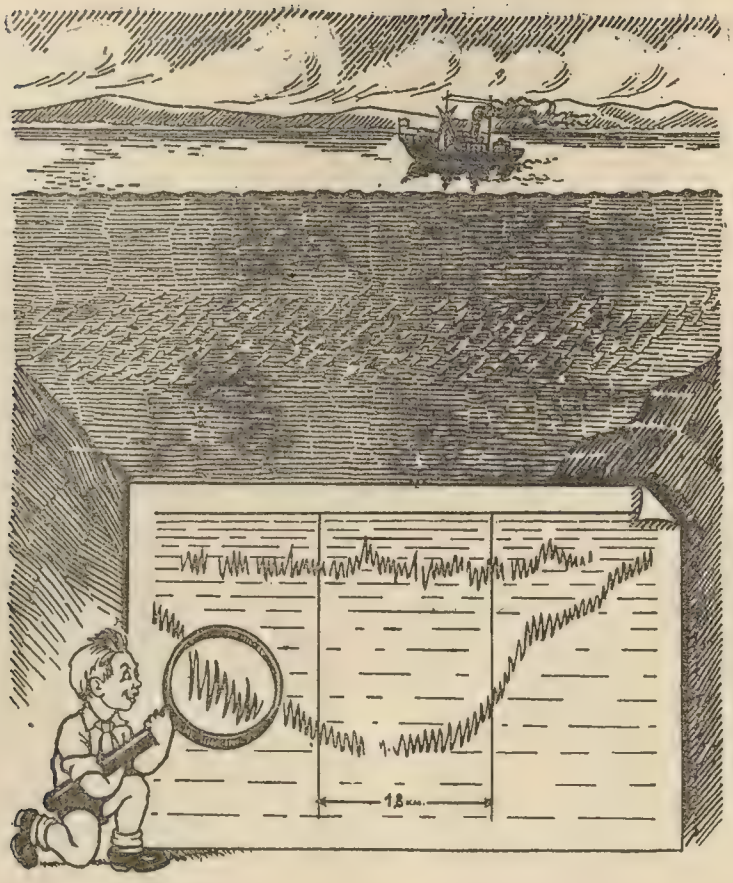


валось ровное круглое отверстие. Но вот рабочий вставил в зажим другой стержень с треугольным наконечником. В стекле получилось треугольное отверстие. Примечательно, что наконечник не касается стекла. Если посмотреть внимательно, то можно увидеть, что стекло под наконечником смочено водой с мелким твёрдым корундовым порошком.

Ультразвук заставляет отдельные частички порошка, как маленькие долотца, десятки тысяч раз в секунду ударять по стеклу. В воде под действием ультразвука возникают силы растяжения и сжатия, доходящие до нескольких тысяч атмосфер.

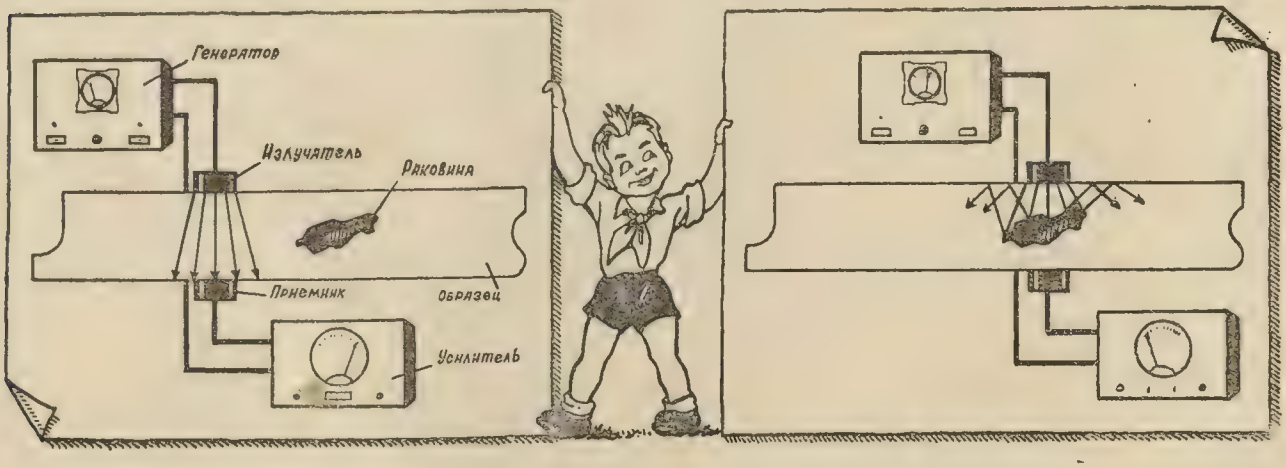
Вода и мелкий корундовый порошок — верные помощники ультразвука. Ими он и обрабатывает стекло.

Почти каждому из нас приходилось обращаться к зубному врачу.



К больному зубу больно даже притронуться, а его ещё нужно сверлить бормашиной. Однако боли можно избежать. В нашем распоряжении ультразвуковая бормашина, недавно появившаяся в поликлиниках. Зуб будут сверлить, вернее долбить, так же, как стекло. Причём самое важное состоит в том, что боли почти нет!

На часовом заводе ультразвук тоже находит широкое применение. При изготовлении часов каждую шестерёнку, винтик, пружинку нужно обязательно почистить. Ведь маленькая пылинка, попавшая



в механизм, может остановить часы.

Ещё недавно на Пензенском часовом заводе очистка деталей производилась вручную. Теперь ультразвук заменил ручную очистку и освободил для других работ десятки рабочих рук.

Но ультразвук может не только работать, он является хорошим разведчиком, неутомимым исследователем и контролёром. Инженеры сконструировали особый прибор — гидролокатор. Гидролокатор установлен на корабле. По примеру летучей мыши он посылает, как световой луч, ультразвуковые колебания в нужном направлении. Кораблю не страшны теперь подводные скалы и плавающие ледяные горы-айсберги.

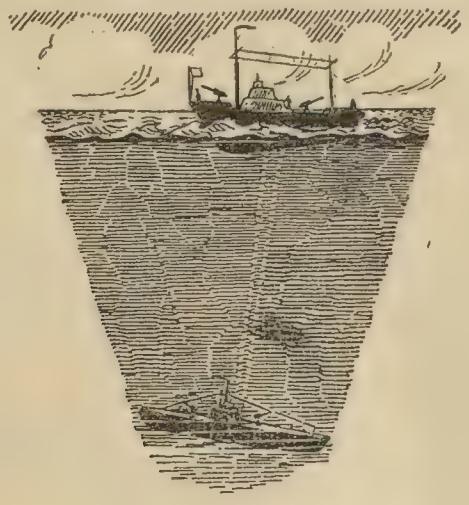
С помощью гидролокатора рыбаки безошибочно находят в море косяки рыбы, а пограничники обнаруживают подводные лодки. Ультразвук стал «глазами» кораблей.

Всевидящий ультразвук помогает строителям. Его направляют в толщу твердеющего бетона, и он добросовестно отвечает на многие вопросы: нет ли в бетоне трещин и пустот, как быстро он твердеет.

Ультразвуковой луч может сообщить и о механических свойствах бетона.

Кубики из бетона плотины или фундамента теперь не нужно везти на испытание в лабораторию. Ультразвуковой дефектоскоп на строительной площадке исследует и контролирует бетон. Это очень удобно.

Звук-труженик используется в нашем народном хозяйстве с каждым годом всё больше и больше. Хотя учёные ещё не раскрыли всех его способностей, тем не менее ультразвук уже стал добрым и незаменимым помощником у инженеров и врачей, у строителей и пограничников.



Путь чемпиона

В. КАЛУГИН

«Соревнование по боксу. Участвуют сильнейшие спортсмены»— эта афиша привлекает внимание ребят, проходящих мимо клуба имени Дзержинского.

Они никогда не были на боксе. Об этом виде спорта у ребят самое смутное представление. От одних людей они слышали, что бокс — грубый вид спорта, похожий больше на драку. Другие же уверяли, что бокс — это мужественный и увлекательный спорт.

Мальчишки решают: лучше самим пойти на состязание боксёров и посмотреть всё своими глазами.

...Зал клуба полон зрителями. На сцене залит светом прожекторов квадратный помост, огороженный со всех сторон канатами. Это ринг. В зале раздаются аплодисменты. На ринг выходят боксёры. Начинается интересный и острый поединок, мальчики увидели состязание сильных, ловких и искусных атлетов. В схватках на ринге боксёры демонстрировали смелость, выносливость и решительность. Ребята любовались различными и неожиданными приёмами бойцов. Особенно им понравился один из боксёров— высокий, светловолосый, атлетически сложенный. Он умело отразил атаки своего противника, а затем, нанося ему точные, редкой силы удары, заставил отказаться от продолжения схватки. Когда судья поднял вверх руку боксёра, объявляя его победителем встречи, юные

зрители узнали, что это мастер спорта Виталий Беляев.

Одна за другой выходили на ринг следующие пары боксёров. В разгар одного из боёв, сидевший крайним черноволосый парнишка вдруг зашептал своим приятелям:

— Смотрите, смотрите! Узнаёте, кто сидит рядом с нами?

И ребята украдкой стали бросать взгляды на Виталия, уже переодевшегося и принявшего душ. Сейчас он тоже стал зрителем. Ребята неожиданно для себя отметили, что казавшийся на ринге богатырём, Беляев выглядит обыкновенным юношей. Только, пожалуй, стройность и спортивная выправка выделяют его из массы других зрителей.

Виталий заметил заинтересованные взгляды ребят, теперь уже открыто глядевших на него, и дружески улыбнулся им. Это придало им смелости, и, когда закончился последний бой и зрители стали покидать зал, мальчики подошли к мастеру бокса.

Обняв за плечи двух ребятишек, Беляев вместе с ними вышел на улицу. Ему, конечно, понятен интерес ребят к боксу. Беляев говорит:

— Вот многие считают, что чемпионом, выдающимся спортсменом может стать лишь какой-то гигант, обладающий большой физической силой, неимоверной мускулатурой. Так ли это? Нет, конечно! Вы видели меня на ринге, и сейчас я с вами. Разве я отличаюсь от тысячи моих ровесников? А стать чемпионом помогли мне тренировки и большая любовь к спорту.

И Беляев рассказал мальчикам о том, что стать физически крепким, ловким, закалённым может каждый, кто захочет. Для этого нужно регулярно заниматься спортом. И заниматься не от случая к случаю, не только на уроках физкультуры в школе, а систематически, в одной из детских спортивных школ.

Забыв обо всём на свете, как зачарованные, слушали ребята рассказ старшего товарища о том, как он пришёл в спорт.

...Кто из свердловчан не бывал в районе озера Шарташ и у знаменитых Каменных палаток! Это — излюбленное место отдыха и экскурсий. Возле Шарташского озера, обрамлённого зелёной каймой соснового леса, и проходило детство Виталия. Был он простым пареньком с городской окраины. И, кстати, совсем не драчливого нрава. Неплохо учился. Очень любил уроки физкультуры в школе.

Трудно сказать, когда, в каком возрасте, Беляев впервые встал на лыжи. Не найдётся такого места вокруг Шарташа, где бы не побывал он со своими товарищами-лыжниками. А летом играли в футбол, плавали. Часто среди ребят возникали споры, кто из них лучше плавает, кто отплывёт дальше всех от берега. В таких спорах Виталий нередко выходил победителем. Это уже было похоже на соревнование. Энергию и любовь ребят ко всякого рода «соревнованиям» сумела направить по верному руслу школа. Виталию, ученику 36-й школы, нравилось выступать в различных состязаниях. Особенно интересны

были лыжные гонки. Хорошие лыжники участвовали в них. И вот здесь-то Виталий узнал, что одно дело — лыжные прогулки, а другое дело — настоящие соревнования. Здесь же, в Шарташе, росла будущая неоднократная чемпионка страны по лыжному спорту Катя Вогулкина. Уже в то время она, как птица, «летала» над снежными просторами, обгоняя не только своих подруг, но и неугомонных парнишек. Немало пришлось потрудиться Беляеву, чтобы в конце концов показать результаты лучше Катиных.

Футбол, нескончаемые лыжные прогулки, плавание и другие игры со сверстниками помогли Виталию вырасти крепким и сильным. Ключом бил в нём молодой задор. Как только выдавалась в школе свободная минута, Виталий и его сосед по парте Коля Сажин обычно поднимали ребячью возню: боролись, возились, стараясь взять верх один над другим. Оба были упорными соперниками, и победа одному из них давалась нелегко.

После семи лет учёбы в школе четырнадцатилетний Виталий поступает в авиационную специальную школу № 11. И вот здесь-то определилась его спортивная судьба. Толчком к этому стал такой случай.

Соседом Виталия по парте был паренёк и ростом его поменьше и, казалось, слабей физически. Но вот однажды между соседями вспыхнула ссора. И в возникшей потасовке победителем неожиданно вышел малорослый и менее крепкий на вид сосед. Сначала Виталия охватила обида. А затем он задумался: «Как же это получилось? Ведь я сильней и крепче Сергея, а вот он взял верх. Почему?»

Недоумение прошло, когда Беляеву рассказали, что Сергей занимается в секции бокса. Так вот в чём секрет! «А что, если и мне,— подумал Беляев,— пойти к тренеру?»

К этому времени у Виталия возникла и окрепла дружба с Борей Щербаковым, будущим мастером спорта по боксу. В то время Борис уже ходил в спортивный зал «Локомотив», где воспитывал молодых боксёров опытный тренер А. Енов.

Однажды Виталий пошёл вместе с Борисом в спортивный зал и впервые увидел тренировку боксёров. Понравился Виталию этот мужественный, увлекательный спорт. Захотелось самому надеть перчатки и осыпать соперников градом ударов. Но решимости ещё не хватало.

Как-то Борис спросил друга:

— Почему бы тебе не заняться боксом?

— Боюсь, не выйдет...— вздохнул Беляев.

— Отчего же не выйдет? Давай, попытайся. Может быть, всё пойдёт хорошо...

Виталий обещал подумать. И, когда друзья снова встретились, решение уже сложилось: надо рискнуть!

Вот Борис ввёл Виталия в зал и представил тренеру. Енов внимательно посмотрел на смущённого новичка,— что ж, паренёк крепкий. Вслух сказал:

— Если есть желание овладеть боксом, возьму в секцию. А сейчас становись в строй!

Так началась спортивная жизнь Беляева. Правда, первая тренировка разочаровала юношу. В самом деле, вместо кожаных перчаток, Виталий и другие новички получили скакалки, и тренер предложил им прыгать через них. Упражнения со скакалкой, удары «в воздух» и другие упражнения для рук и ног заняли всю тренировку. Но тренер хорошо знал, что требуется новичкам на первых занятиях. Начиная с простых кроссов и скакалки, Енов повёл новичков к мастерству боксёра.

...9 минут, всего несколько десятков секунд продолжается схватка боксёров на ринге, но сколько она требует силы, умения и воли! Долгие часы проводил Виталий в зале. Он понял, что для достижения хороших результатов мало заниматься одним боксом. Понял, что результаты придут лишь тогда, когда станешь регулярно заниматься и гимнастикой, и бегом, и спортивными играми.

Крепли, росли, наливались силой мышцы. Полюбил Виталий свой боксёрский спортивный зал, своих товарищей и тренера.

Наконец наступил долгожданный день! Первое соревнование! Кто из спортсменов может забыть, как в первый раз он подошёл к спортивному снаряду или занял место у линии старта на беговой дорожке, или поднялся на вышку для прыжков в воду! И у Виталия Беляева с первым боем связано много волнующих переживаний.

Сердце словно спешит куда-то. Волнение, нервная дрожь охватывают всё тело. Наконец на руки надеты перчатки.

Тренер говорит: «Начинайте». Звучит гонг — и первая в жизни встреча началась.

Конечно, в первом бою Виталий не сумел до конца показать всё, на что он способен, чем его вооружил тренер. Пусть он сделал много ошибок и проиграл встречу. Пусть из первых десяти боёв он проиграл шесть. Но ведь с каждой новой встречей приходили крупицы опыта, знаний, зрело мастерство. И вот недавний несколько угловатый стеснительный новичок уже выходит на арену крупных спортивных соревнований.

Три года занимался Виталий у Енова. Тренер, полюбивший молодого боксёра, объяснил ему основы бойцовской отваги и высокой спортивной культуры.

В дальнейшем спортивное мастерство Беляева шлифовали такие опытные энтузиасты и знатоки бокса, как Лев Вяжлинский и — особенно — Константин Айвазов.

Ни напряжённая учёба в юридическом институте, ни служба в Советской Армии не помешали Виталию в занятиях полюбившимся спортом.

Прошло не слишком много времени со дня первого выхода Виталия на ринг. Но и за этот срок, благодаря настойчивости, смелости, мастерству в боях, преодолев много трудностей, Беляев вышел на большой ринг.

Десять раз он был чемпионом города, пять раз его объявили сильнейшим в нашей Российской Федерации.

Но особенно спортивная слава коснулась Виталия в 1952 и 1955 годах, когда ему вручались золотые медали чемпиона страны!

От начинающего боксёра до сильнейшего в стране, от новичка до опытного тренера — таков спортивный путь Виталия Беляева. Это путь доступный каждому.

Дело за вами, ребята! Было бы у вас желание заняться спортом, стать здоровым, сильным и ловким.

А «кто хочет — тот добьётся!»

Первое письмо

Василий КЛЁПОВ

Мама уехала в командировку. Таня осталась дома с бабушкой. Бабушка была неграмотная, а Таня уже перешла во второй класс. Она даже умела писать маме записки и не уходила в школу, не черкнув ей пару слов.

«Мама! Уроки я выучила. Кашу съела. Молоко пролила кошка, а не я. *Таня*».

«Мама! Я боюсь! Попалась очень трудная арифметика. Но ты не волнуйся. Может, ещё не спросят. *Таня*».

Такие письма Таня оставляла под салфеткой, которой был накрыт хлеб. Мама садилась обедать, открывала салфетку, и — хлоп! — выскакивало Танино письмецо.

И вот, когда мама поехала в командировку, она оставила Тане несколько конвертов с надписанным адресом. Девочке оставалось только написать письмо, вложить его в конверт и опустить в почтовый ящик. И тогда мама получила бы письмо уже с почты, а не из-под салфетки с хлебницы.

— Таня!— стала говорить бабушка, как только они остались одни.— Напиши маме письмо, она ведь, наверное, беспокоится!

Но писать было не о чём. Уроков летом не бывает, кошка молоко не проливала, а о том, что бабушка вяжет чулки, мама и без писем знала. Так Таня и носилась целый день на улице и не вложила своего письмеца ни в один конверт.

Скоро, однако, случилось у Тани с бабушкой печальное происшествие. Бабушка уколола иголкой палец, и он стал нарывать, да так сильно, что бабушка даже ночами спать не могла. Стонет и стонет.

Таня стала звать бабушку в больницу, а бабушка не идёт, боится.

—Там,— говорит,— палец не вылечат, а руку обязательно отрежут.

Тогда Таня решила написать письмо маме.

«Дорогая мамочка!— писала Таня.— Мы живём хорошо. У бабушки на руке нарыв, и она, наверно, умрёт. Посоветуй, что делать, а то она очень стонет.

Я хотела смазать йодом, но соседка его не вернула. Я хотела пойти к ней за йодом, но у неё злая собака. А что дальше делать — не знаю. Скорее отвечай или приезжай сама.

Целую тебя крепко-крепко и даже ещё крепче.

Ученица 2 класса *Таня Громова*».

Таня вложила письмо в конверт и побежала опускать письмо в ящик. Ящик оказался совсем близко — за два или три дома от Громовых. На нём было написано: «Для писем и газет».

Таня сунула письмо в ящик и подняла вверх голову. Ей хотелось посмотреть, как письмо вылетит из ящика и, прицепившись уголком к телефонной проволоке, побежит к маме. Но письмо не вылетело, а на проволоке сидел воробей. Он вертелся туда и обратно и чирикал. Таня спугнула воробья, а письмо всё равно не показалось.

«Оно, наверно, ночью выскочит, когда темно будет»,— подумала Таня и ушла домой.

Вечером к Громовым пришла какая-то женщина и сказала, что она доктор.

— Это ты — Таня? — спросила она.— И это ты писала маме письмо про бабушку и соседку?

— Я,— сказала Таня.

— Ну, тогда покажи свою бабушку. Я попробую её вылечить.

— А вы как знаете про бабушку и соседку?— спросила Таня.

Доктор почему-то засмеялась, погладила Таню по голове и сказала:

— Потому что твоя мама получила от тебя письмо и попросила меня помочь бабушке.

Таня обрадовалась и захлопала в ладоши.

— Вот как почта работает! Не успела опустить письмо, а мама уже получила и докторшу прислала.

Бабушка вылечилась, а потом приехала мама. Когда Таня рассказала про письмо, мама очень удивилась и попросила девочку показать тот ящик, куда она опустила письмо.

Таня показала, а мама взяла Таню за руку и вошла в ту калитку, на которой был прибит ящик «Для писем и газет». И тут Таня увидела доктора, которая вылечила бабушку. Мама очень долго благодарила доктора, а доктор ей сказала:

— Не стоит. Я просто не хотела, чтобы вы волновались, тем более, что у бабушки ничего серьёзного не было: просто запущенный нарыв.

Мама ещё раз поблагодарила доктора, взяла Таню за руку и повела к перекрёстку, где висел большой синий ящик с надписью: «Почтовый ящик».

— Вот в этот ящик, Танюша, и надо опускать письма. А ты куда опустила?

Таня очень удивилась:

— Значит, ты не получала письма? А как же докторша пришла?

— Какая же ты непонятливая, Таня!— сказала мама.— А ещё перешла во второй класс! Ты просто не заклеила письмо и опустила его в тётин ящик. А доктор оказалась очень хорошая, она прочитала твоё письмо и пришла помочь бабушке.

— А!— сказала Таня, как будто всё поняла.

Но я боюсь, что она просто так сказала «а!» и опять опустит письмо в чей-нибудь ящик для писем и газет.

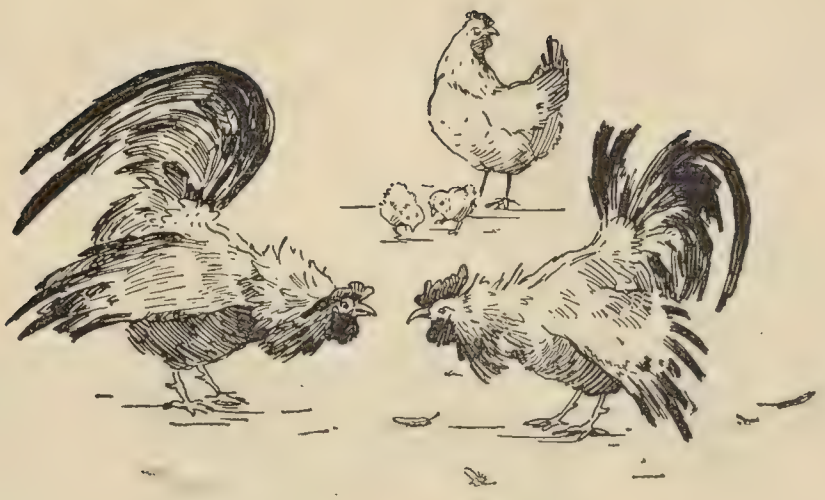
Лев АВЕРБАХ

Неуклюжий и пушистый,
Снега белого белей
Ходит в клетке медвежонок
И глазеет на детей.

Леденцы ему бросаем,
Попадаем прямо в рот.
Он грызёт их с громким хрустом
И смешно ногой трясёт.

Он на полюсе родился,
Где пурга,
туман
и лёд,
Где на льдину самым первым
Сел советский самолёт.

И, быть может, этот мишка,
Что смешит детишек тут,
Жил на этой самой льдине,
Где полярники живут.



ПЕТУШКИ

Лев АВЕРБАХ

Прыжок,
Прыжок,
Ещё прыжок...
Запрыгал в клетке петушок.
На лапках — шпоры.
Клюв — крючком
И перья подняты торчком.
Летит по клетке рыжий пух...
Ну и драчун!
Ну и петух!
Всех задирает петушков:
Смотрите, дескать, я каков!
Но получает сдачу он
Со всех сторон,
Со всех сторон!

И он бежит от них бегом,
Теряя перья,
Кувырком.
Есть у меня один дружок,—
Совсем как этот петушок.
Он всех ребят обидеть рад,
Он задирает всех подряд,
Но получает сдачу он
Со всех сторон,
Со всех сторон!
И так же мчится наутёк
Как забияка-петушок.

тур

Лев АВЕРБАХ

— Смотри-ка,—
папа мне сказал,—
У тура-непоседы
Рога изогнуты назад,
Как руль велосипеда.

Ты видишь, горка из камней.
Прыжок — и тур стоит на ней,
Прыжок — и вниз несётся тур,
Поджавши ноги на лету.

Он вырос высоко в горах,
Где скалы выше тучи,
И там не раз,
отбросив страх,
Он так же прыгал с кручи.

Он не боится высоты.
Таким же смелым
будь и ты!

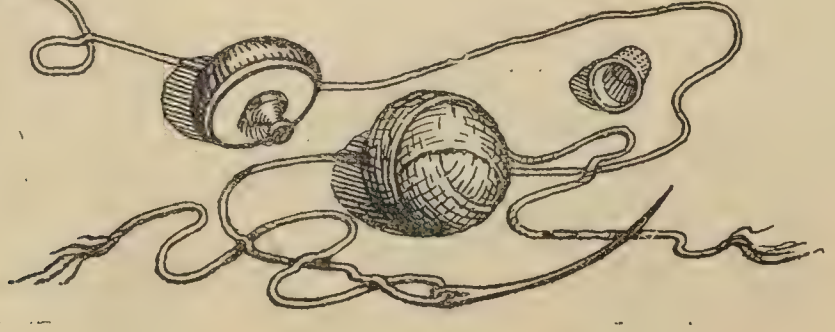
Мастерица

Александр МИТИН

Села Ира на полу,
Нитку вдёрнула в иглу,
Натянула на грибок
Прохудившийся чулок.

— Шей быстрей, моя иголка,
Не коли мне пальцы только!
Ой ты, нитка-завитушка,
Не выскакивай из ушка!

Так под эту песню Иры
На чулке исчезли дыры.
Ходит Ира и гордится:
— Я, как мама,— мастерица!



ИГРОВЫЙ

Борис ГЛАВАЦКИЙ

Жил в одной деревне охотник. У него было двое детей: сын Коля и дочь Валя. Коля был старший. Он учился в третьем классе. А Валя ходила в детский садик.

Папа часто приносил с охоты разную добычу: то утку, то глухаря, то зайца. Однажды он убил в лесу медведицу, у которой было два маленьких медвежонка. Медвежат папа принёс домой. Одного подарил колхозному сторожу, а другого оставил у себя.

Маленькому медвежонку Коля и Валя дали кличку Игровый, потому что он любил играть с детьми.

Как-то дети стали играть в палочку-застукалочку и выпустили во двор Игрового. Дети спрячутся, а Игровый ищет их. Коля научил медвежонка брать в рот палочку-застукалочку. Кинутся Коля и Валя к палочке, а Игровый вперёд бежит, торопится, детей толкает. Ему хочется первому добежать. Очень забавно было смотреть, как дети с медвежонком играли!

Было лето, стояла жара. Собрались дети на реку купаться. Вот Валя и говорит:

— Коля, давай с собой Игрового возьмём, ему ведь тоже жарко. Смотри-ка, у него какая тёплая шуба.

Коля обрадовался выдумке сестры, и дети взяли с собой медвежонка на реку. Много собралось ребятишек на берегу. Всем хотелось посмотреть, как медвежонок будет плавать. Игровый сначала не хотел купаться, а потом это ему так понравилось, что дети никак не могли вытащить его из воды.

— Надо его куском хлеба поманить,— сказал один из старших мальчиков.

У кого-то нашлась в кармане корка хлеба. Медвежонок понюхал хлеб и тут же за ним вышел из воды на зелёную лужайку. А потом дети стали кормить медвежонка ягодами.

Вскоре после этого, дня через два, во дворе под навесом папа сделал детям качели. Коля и Валя стали качаться, а их мохнатый друг сидел у двери амбара и плакал по-своему, по-медвежиному. Жалко стало детям Игрового. Они посадили и его на качели. А потом Игровый научился сам забираться. Заберётся и ревёт, чтобы его раскачивали. Тогда Коля и Валя вставали на концы качельной доски и раскачивали медвежонка. Игровый от удовольствия, бывало, и глаза закроет.

Когда медвежонок подрос, отец сказал Коле и Вале:

— Ну, дети, пора нам расставаться с Игровым. Он уже начинает кусаться. Покормите его последний раз, и я повезу его в город сдавать в зоологический парк.

Коля и Валя на прощание накормили Игрового ягодами, хлебом, мясом и яичками. Игровый грустно смотрел в глаза детям. Он будто понимал, что наступило время расстаться с друзьями.

Отец погрузил медвежонка в машину и повёз в город. А Коля и Валя стояли у ворот и плакали: им было жаль Игрового.

◆◆◆

ЛЕКАРСТВО

Самуил ГЕРШУНИ

Мама очень удивилась:
Что с Андрейкою случилось?
Ел, бывало, как цыплёнок,
Молока совсем не пил.
Врач сказал ей:
— Ваш ребёнок
Очень бледен,
Очень хил.
Пропишу я вам таблетки,
Чтоб Андрейка ел котлетки,
А вот это — порошок,
Чтобы стал он краснощёк...

Но лекарство очень мало
Аппетиту помогало...

А сегодня —
Посмотрите,
Как обедает Андрей!
При отличном аппетите
Даже не хватило щей.
Надо выбросить пилюли —
Больше щей варить в кастрюле...

— Мама дай ещё жаркое!
Молока ещё налей!

Что случилось?
Что такое?
Может, год не ел Андрей?
Нет!

Морозы наступили,
И ему коньки купили.
На коньках Андрей бежит,
Нагоняет аппетит.

Неприятная встреча

Алексей ХОРЬКОВ

Ездовой любимый пёс
Запряжён в салазки.
Ух, как он меня понёс
Быстро, точно в сказке!
Вдруг, свернувши на дорожку,
Мой Трезор увидел кошку.
Он за ней,
Она — на стог.
Санки — набок,
Я — в сугроб...
Так всегда Трезор катает,
Если кошку повстречает.

УМЫВАНИЕ

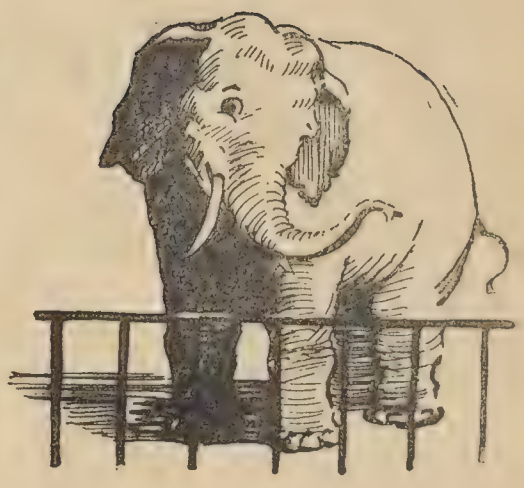
Лев ФОЛЬВАРКОВ

С мылом умыться упросишь насилу
Нашу грязнулю дочку Людмилу,

— Кошка и то, — говорим, — умывается,
А вот с тобою приходится маяться.

И отвечает на это Людмила:
— Ей хорошо — умываться без мыла!..

ПРИДУМАЙ РИФМЫ



Олег АНАТОЛЬЕВ

За решёткой
Слышен топот,
В небо поднят
Длинный...
Гром гремит
Со всех сторон,
То трубит
Огромный...

* * *

В поле греча зацвела,
Над цветком гудит...
Скоро в соты нанесёт
Ароматный, сладкий...

* * *

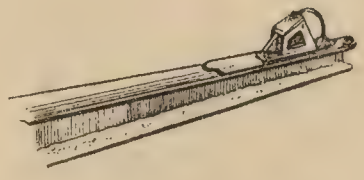
Игла — как лезвие ножа!
А их не мало у...
Они остры, и ясно,
Что трогать их...
Тебе б
портняжить можно, ёж.
Иголок много, а не...

ИЗУЧАЙ РОДНОЙ ЯЗЫК!

Н. МЯЧИН

В предыдущем выпуске нашего сборника мы опубликовали письмо ученика Пети Точкина, в котором он спрашивал о словах-тёзках, то есть о словах, имеющих несколько значений. Там же был помещён и ответ Пете Точкину, и первое задание по определению значения отдельных слов.

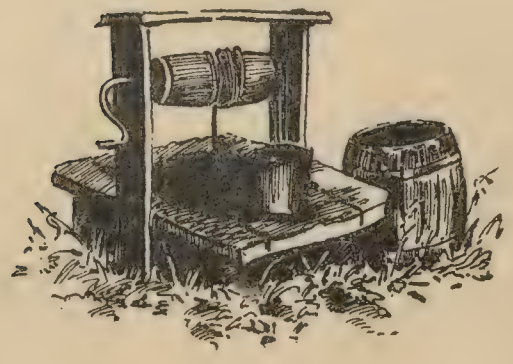
Так как Петя Точкин справился с первым заданием, составим для него второе, которое назовём так:

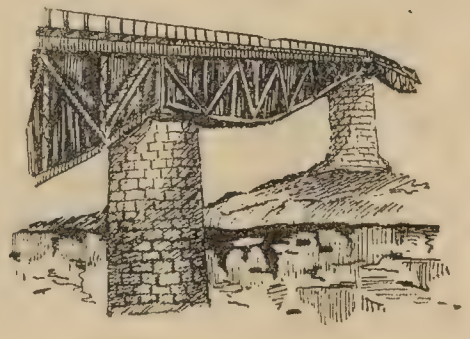


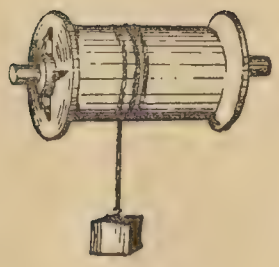
МОЖЕТ ЛИ КОРОМЫСЛО ЛЕТАТЬ?

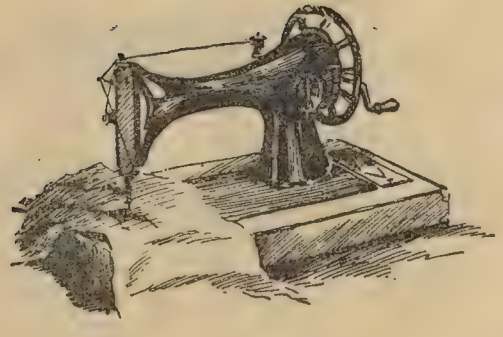
Чтобы успешно справиться с этим заданием, необходимо подумать над тем, какое второе значение имеет то или иное слово.

Не всегда в памяти хранятся нужные ответы. Нужно, как говорится, «пошевелить мозгами». Но









если нужное решение так и не придёт на ум, то следует заглянуть в словари, дающие толкование слов. Пользование словарями принесёт большую пользу при изучении языка. Итак, подумайте и ответьте:

1. К какому вороту нельзя пришить пуговицу?

2. Какую строчку не может прочесть ни один учёный?

3. Всякий ли пар способен подниматься кверху?

4. Всякий ли барабан — музыкальный инструмент?

5. Всякий ли куб имеет шесть граней?

6. У каких башмаков не бывает каблуков?

7. Какая игла не тонет в море?

8. Какие кошки не едят мышей, а быки — сено?

9. Всякую ли точку можно считать знаком препинания?

10. Может ли коромысло летать?

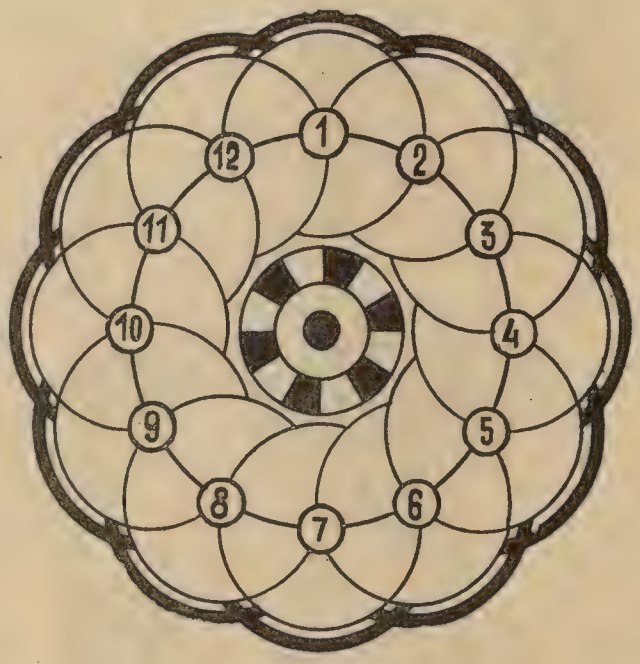
В ЧАСЫ ДОСУГА

СЛОВА В КРУГЕ

По описаниям, помещённым ниже, определите слова и расставьте их в кружочки так, чтобы буквы, составляющие текст задачи, поместились в выделенных чёрточками секторах кружочков.

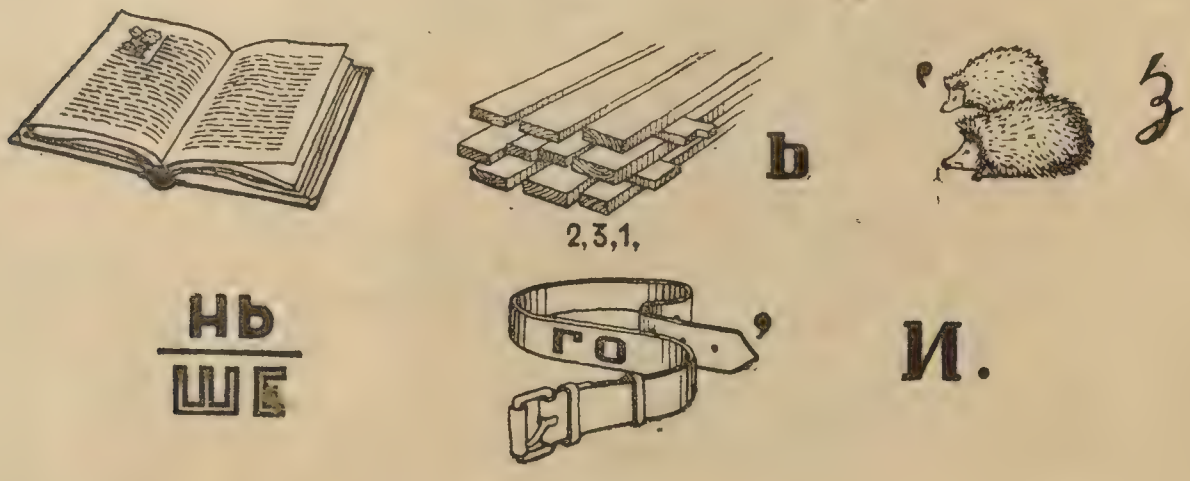
Тогда вы прочитаете имя и фамилию одного из первых руководителей Советского государства.

1. Часть человеческого корпуса. 2. Шарообразное, уплотнённое тело. 3. Глаз. 4. Обрыв, яма. 5. Часть лица. 6. Крупное млекопитающее. 7. Сила тяжести. 8. Подарок. 9. Вид литературного произведения. 10. Огородное растение. 11. Звучание. 12. Охота, промысел.

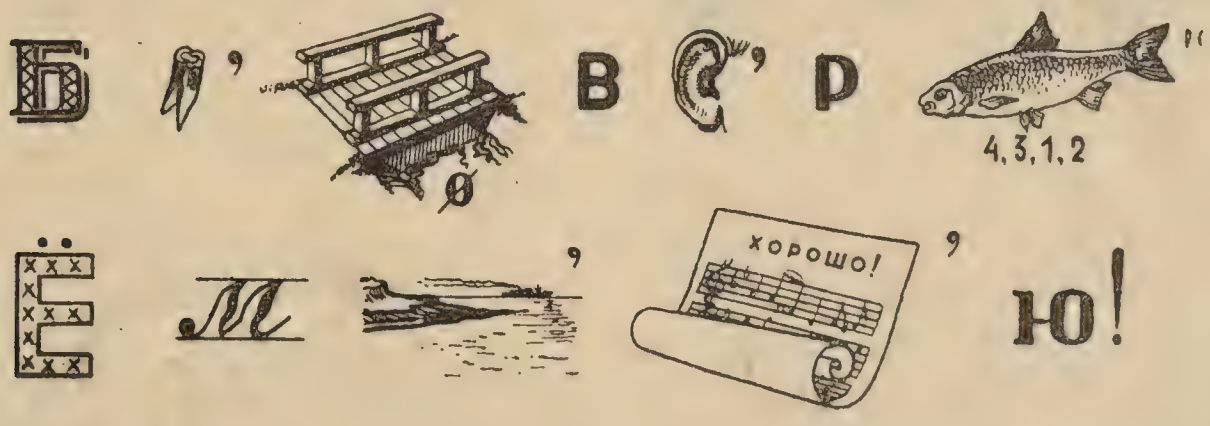


РЕБУСЫ

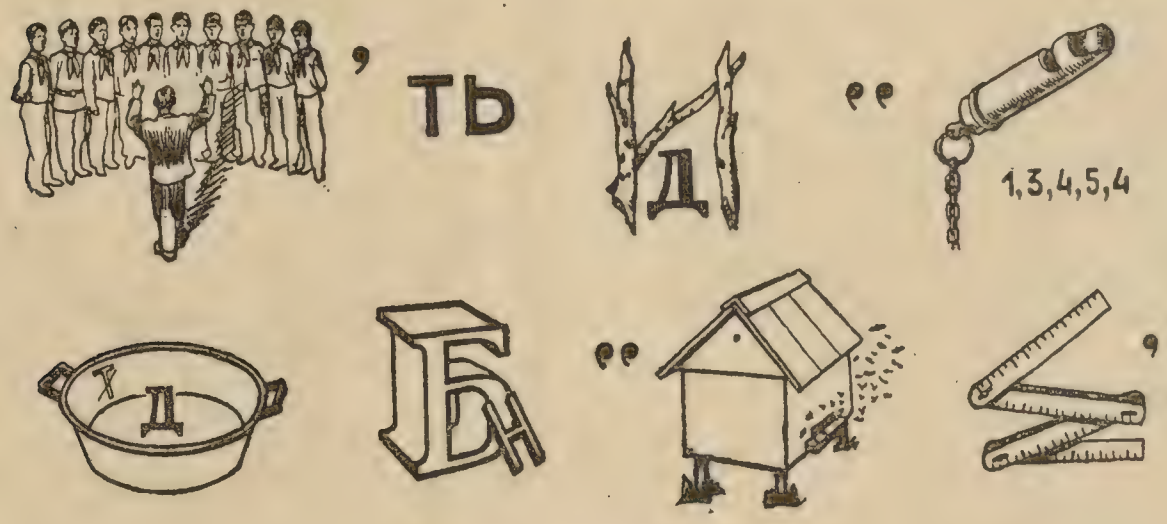
1. Разгадав этот ребус, вы узнаете, что сказал великий русский критик В. Г. Белинский о книге.



2. В этом ребусе зашифрована строчка из известного произведения Максима Горького. Прочитайте её!



3. Вспомните басню, из которой взята фраза для этого ребуса. Чья это басня?



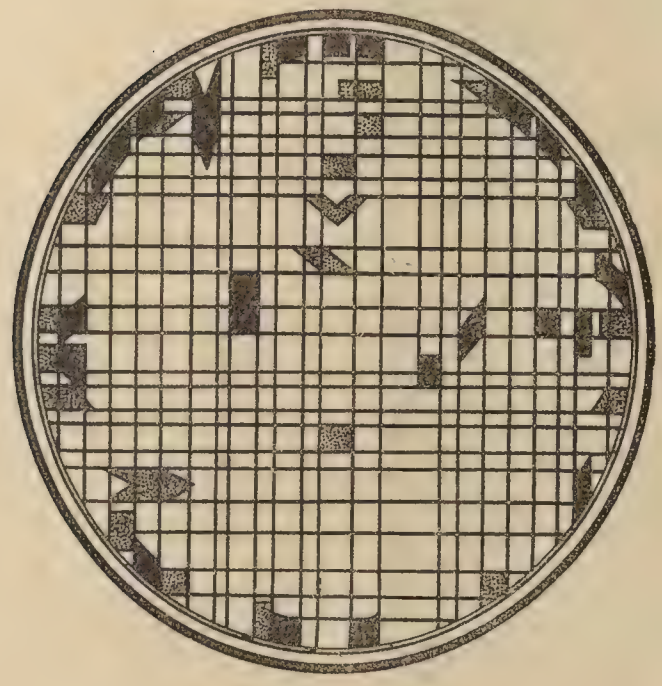
Метаграммы

В слове, зашифрованном метаграммой, нужно одну из букв заменить другой, указанной в тексте, и значение слова изменится.

1. На постройке я нужна,
   Когда пишусь я с буквой «А»,
   Когда на «У» её сменю,
   К тебе я попаду в меню.
2. Я с буквой «У» немного выступаю,
   И можешь ты упасть из-за меня,
   Но с буквой «А» легко бревно поймаю,
   И на пожаре нужен я.
3. С «М» я в море,
   С «В» я в поле,
   С «П» я в доме,
   С «Г» в футболе.

Головоломка

Прочитай, что здесь написано.



Загадки

1. По морю идёт-идёт,
   А до берега дойдёт —
   Тут и пропадёт.

2. Стою на крыше
   Всех труб выше.

3. Сама холодная,
   А людей жжёт.

4. Всегда шагаем мы вдвоём,
   Похожие, как братья,
   Мы за обедом — под столом,
   А ночью — под кроватью.

5. Под Новый год пришёл он в дом
   Таким нарядным толстяком,
   Но с каждым днём терял он вес
   И, наконец, совсем исчез.

6. Как безлиственная ветка,
   Я пряма, суха, тонка,
   У лентяя я не редкость
   На страничке дневника.

7. Он всюду: в поле и в саду,
   А в дом не попадёт.
   И никуда я не иду,
   Покуда он идёт.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

«Чудесные превращения»

Все вы, ребята, любите читать книги, где описываются какие-либо необычайные приключения. Но есть книги, мимо которых вы часто проходите равнодушно. Однако они не менее интересны: в них рассказывается о том, как учёные различных стран и эпох открывали тайны природы, тайны давно минувших времён.

В 1958 году Свердловское книжное издательство выпустило в свет книгу Б. Дижур «Чудесные превращения».

В сборнике идёт речь о стекле, о самом обыкновенном стекле, которое вы привыкли видеть везде, которому вы не удивляетесь, не обращаете на него внимания: так прочно оно вошло в наш обиход. Никто из вас, пожалуй, ни разу и не задумался над тем, когда люди изобрели его.

А ведь интересно узнать, кто же первый получил стекло, когда, в какую эпоху это случилось. Книга «Чудесные превращения» и знакомит нас с тем, как учёные искали ответа на эти вопросы.

Это были очень трудные поиски. Письменные источники не смогли помочь учёным. Поэтому пришлось обратиться к иной книге, которая ещё и до сих пор знает и хранит тайны — к земле.

Раскопки на Урале, близ Перми, дали много различных вещей, среди которых оказались стеклянные бусы, пролежавшие в земле более двух тысяч лет.

Английскому учёному Флиндерсу Петри в египетской гробнице удалось найти... глаз, сделанный из стекла. На нём оказалась надпись, показывающая, что глаз был собственностью египетского фараона Аменхотепа I, жившего три тысячи шестьсот лет тому назад.

Позднее нашли более древние стеклянные вещи, которым насчитывалось пять с половиной тысяч лет. Благодаря этим находкам учёные постепенно установили приблизительное время изобретения стекла.

А как развивалось стекольное производство, какие открытия совершались в нём! Это тоже интересовало учёных. Ведь, на самом деле, не сразу человечество получило гладкое, прозрачное чистое стекло! И тут пришлось открыть не одну тайну.

«Несколько столетий стекловары добивались получения такого стекла, в котором бы не было ни пятен, ни полосок, ни пузырьков. Учёные-химики составляли разнообразные рецепты. Они прибавляли к стеклянной смеси окись свинца и получали звонкий светлый хрусталь, заменяли окись свинца борной кислотой, фосфорной...

Всё это действительно придавало стеклу большую прозрачность. Но пузырьки... нет, от них нельзя было избавиться.

И тогда стекловары решили, что, видимо, без пузырьков стекла сварить невозможно.

Но вот в 1811 году появились в продаже новые линзы... Стекло их было прозрачно, почти невидимо, оно сияло, как лучшие сорта горного хрусталя. В них не было ни полосок, ни точек и почти отсутствовали пузырьки.

И что же? Оказалось, что секрет создания этих линз открыл не химик, не специалист-стекловар, а швейцарский часовщик по имени Пьер Луи Гинан. Изобретение превратило Гинана в известного богатого фабриканта.»

Гинана просили открыть тайну, но он отказывался сделать это. Умирая, он передал тайну только своим сыновьям, однако им не удалось сохранить её.

В книге говорится и о современном стекловарении, об открытиях, сделанных советскими стекловарами, учёными.

На наших стекольных заводах есть цеха, изготовляющие стеклянную ткань, стеклянную вату, небьющиеся стёкла, пеностекло, которое употребляется в строительстве жилых домов.

Книга Б. Дижур «Чудесные превращения» интересна, читается с увлечением. Она хорошо иллюстрирована.

«Мой сосед Коля Смекалов»

Интересную книгу о дружбе ребятишек и взрослых написал Е. Ружанский. Коля Смекалов — герой повести, очень любознательный и правдивый мальчик. Коля любит трудиться. В детском садике, который он посещает последний год, Коля помогает дяде Власу, дворнику дедушке Добрыне Никитичу. Взрослые поощряют мальчика в этом: дядя Влас говорит, что каждый человек, кем бы он ни был, должен быть мастером на все руки, и рассказывает Коле и Вове Перминову о том, как во время Отечественной войны один солдат чуть не погубил себя и двух товарищей только потому, что не смог заклепать лодку.

В одном доме с Колей живёт инвалид Отечественной войны дядя Петя. Дяде Пете выдали моторную коляску, и он строит для неё гараж. Коля видит, как трудно дяде Пете, и решает ему помочь, но тайно.

Когда-то Коля дружил со своим соседом Юркой Яшиным. Теперь Юрка не упускает случая навредить Коле. Однажды, не вынеся насмешек Юрки, Коля вырвал из его цветника куст сирени. Юрка плачет, ему жалко куст, который он выращивал с такой любовью. Коля видит, что поступил плохо, но не знает, как исправить свою ошибку. Он бежит советоваться к своему дружку Вове Перминову...

Благодаря вмешательству взрослых мир между ребятами восстановлен.

Познакомившись с новой книгой Е. Ружанского «Мой друг Коля Смекалов», вы полюбите её героев: Колю, Вову и Юру Яшина; узнаете много интересного о нашем городе, о революционном прошлом Свердловска.

ОТВЕТЫ К РАЗДЕЛУ «В ЧАСЫ ДОСУГА»

Слова в круге

1. Шея. 2. Ком. 3. Око. 4. Ров. 5. Нос. 6. Вол. 7. Вес. 8. Дар. 9. Ода. 10. Лук. 11. Тон. 12. Лов.

В отмеченных чёрточками строках читается: Яков Свердлов.

Ребусы

1. «Книга есть жизнь нашего времени».
2. «Безумству храбрых поём мы песню!»
3. «Хоть видит око, да зуб неймёт». Лисица и виноград. Басня Крылова.

Метаграммы

1. Балка — булка.
2. Бугор — багор.
3. Мол — вол, пол — гол.

Головоломка

«Кто много читает, тот много и знает». Народная пословица.

Загадки

1. Волна.
2. Антенна.
3. Крапива.
4. Башмаки.
5. Календарь.
6. Единица.
7. Дождь.

113911

Детская Центральная библиотека
г. Свердловск

СОДЕРЖАНИЕ

Л. Сорокин. Пещера партизана. (Стихи). *Худож. В. Кашкин.* . 3
Б. Рябинин. Пламенная юность. (Очерк). 7
Т. Владимирова. Жизнь, отданная борьбе. (Очерк). 17
М. Найдич. Две встречи. (Стихи). *Худож. М. Шорохов.* 21
Е. Ружанский. Над Невой. (Главы из повести). *Худож. В. Могилевский.* 27
Г. Сурсяков. В кузнечном цехе. (Стихи). *Худож. В. Жабский.* . . 33
М. Гроссман. Цена пенициллина. (Рассказ) *Худож. В. Бубенщиков.* 35
Н. Павчинская. Город-сад. (Стихи). *Худож. М. Бурзалов.* 42
Е. Пермяк. Разбойник. (Рассказ). *Худож. М. Заводчиков.* 43
И. Беляев. Свисток. (Стихи). *Худож. В. Кашкин.* 51
Г. Каданцев. Первая статуэтка. (Рассказ). *Худож. С. Киприн.* . . 52
Е. Фейерабенд. Портфель. (Стихи). *Худож. М. Заводчиков.* . . . 62
И. Давыдов. Чужая книга. (Рассказ). *Худож. А. Талашманов.* . . 64
Б. Ярочкин. Неприятное соседство. (Рассказ). *Худож. В. Кашкин.* . 71

У НАШИХ ДРУЗЕЙ

К. Скопина. На финской земле. (Записки). *Худож. Жабский, фото И. Тюфякова.* 74
Асен Босев. Про Славу. (Стихи). *Худож. В. Буйначев.* 80
Наш Пройчо профессию ищет. (Стихи). *Худож. М. Шестаков.* . . 82

ОЧЕРКИ

К. Боголюбов. А. П. Бондин. *Худож. В. Жабский.* 83
Б. Цывьян. Звук-труженик. *Худож. М. Шестаков* 88
В. Калугин. Путь чемпиона. *Худож. М. Заводчиков.* 95

ДЛЯ МАЛЫШЕЙ

В. Клепов. Первое письмо. (Рассказ). *Худож. В. Бубенщиков.* . . . 100
Л. Авербах. Белый медвежонок. Петушки. Тур. (Стихи). *Худож. Н. Микрюкова, Н. Туманов, В. Квитка.* 103
А. Митин. Мастерица. (Стихи). *Худож. М. Шестаков.* 107
Б. Главацкий. Игровый. (Рассказ). *Худож. В. Могилевский.* . . . 108

С. Гершуни. Лекарство. (Стихи). *Худож. М. Бурзалов.* 110
А. Хорьков. Неприятная встреча. (Стихи). *Худож. М. Кондратьева.* 112
Л. Фольварков. Умывание. (Стихи). *Худож. Е. Гилёва.* 113
О. Анатольев. Придумай рифмы. (Стихи). *Худож. В. Кашкин.* . . 114
Изучай родной язык! *Худож. Л. Карпенко* 115
В часы досуга. Головоломки, ребусы, загадки. *Худож. М. Шестаков.* 117
Книжная полка. *Худож. М. Шестаков* 120
Ответы к разделу «В часы досуга» 123

Обложка художника М. Заводчикова.

4 р. 20 к.

СВЕРДЛОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1958